

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

НАРУШАЮЩАЯ ТИШИНУ

Юлия Рябинина

Юлия Рябинина

Нарушая тишину

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66691150

SelfPub; 2021

Аннотация

Ничего не предвещало беды ни для меня, ни для моей карьеры в крупной бизнес-корпорации, если бы однажды я не застряла в лифте. Темнота. Страх. Паника. Все пронеслось перед глазами за каких-то пару секунд. А потом появился он, мой спаситель. Наглый. Дерзкий. И невероятно красивый. Сын моего босса. Мажор и хам. Один-единственный поцелуй – и моя жизнь перевернута с ног на голову. Что же теперь мне делать? Как сказать ему, парню, который младше меня и у которого нет и понятия о "взрослой" жизни, что тест на беременность показывает две полоски?

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	7
Глава 3	13
Глава 4	18
Глава 5	23
Глава 6	30
Глава 7	36
Глава 8	44
Глава 9	52
Глава 10	58
Глава 11	62
Глава 12	69
Глава 13	74
Глава 14	83
Глава 15	94
Глава 16	98
Глава 17	104
Глава 18	110
Глава 19	116
Глава 20	124
Глава 21	129

Юлия Рябинина

Нарушая тишину

Глава 1

Планерка проходит по стандартной схеме. Никаких изменений: задания на день, отчеты за вчера – все одно и то же. Я все выучила наизусть.

Когда мы уже собираемся покинуть переговорную, дверь открывается и на пороге появляется большой босс. Степан Геннадьевич Сафронов.

Босс – красивый высокий мужчина. Он тут же заполняет собой все пространство. И мне он очень нравится. Но не как мужчина, нет. Он вызывает во мне уважение и восхищение.

Когда я увидела его впервые, Степан Геннадьевич сразил меня наповал. Позже поняла, что по нему сходит с ума почти весь женский коллектив его фирмы. Только боссу плевать: у него есть жена. Молодая. Красивая. И вряд ли он будет крутить интрижки на стороне.

– Доброе утро, – здороваются, и у меня от его голоса мурашки по коже пробегают. Глубокий, проникновенный, такой, что аж хочется в ноги ему кинуться и признать своим царем.

– Доброе утро! – здороваемся в ответ.

А он, мазнув по нам беглым взглядом, все внимание переключает на нашего непосредственного шефа. Что-то спрашивает – тот отвечает. Снова спрашивает. Шеф немного мешкает, а потом кидает на меня короткий взгляд, кивает. Степан Геннадьевич поворачивает голову в мою сторону, и вся я вытягиваюсь на стуле, превращаюсь в один оголенный нерв. Что большой босс спрашивает? Что говорит ему мой шеф? Может, меня хотят уволить? Или наоборот, не дожидаясь конца стажировки, с испытательным сроком взять на работу?

– Ледовская, подойди, – командует шеф, и все взгляды присутствующих вмиг обращаются на меня.

Господи Боже! У меня коленки трясутся от эмоционального перевозбуждения. Аж до слез.

Я медленно поднимаюсь...

– Ледовская, ты к стулу прилипла, что ли? Давай бегом! – улыбается шеф, и меня отпускает.

Я подпрыгиваю на месте и, торопливо одергивая юбку, подхожу к боссам.

– Майя, как проходит ваша стажировка? – задает вопрос Степан Геннадьевич, а у меня как назло во рту будто пустыня образовалась, все пересохло, и слова с трудом просачиваются наружу.

– Угу, – киваю.

– Ледовская, да что с тобой? Язык проглотила? – нападает на меня шеф, и я чувствую, как щеки заливаются румянцем:

так стыдно за то, что подвожу его.

– Денис Сергеевич, ну что ты накинулся на девушку? Волнуется же, разве не видишь?

Я выдавливаю смущенную улыбку.

– Ладно. Продолжайте, а мы с Майей побеседуем в моем кабинете. Пройдем.

Его ладонь ложится мне на талию, и я чувствую ее жар, расплывающийся по всему позвоночнику. Он подталкивает меня к выходу. И я, подчиняясь его движениям, иду впереди него к дверям, параллельно чувствуя на себе завистливые взгляды остальных стажеров. Я слышу их тихие перешептывания, и мне становится совсем не по себе.

Но, как только мы покидаем переговорную, я сразу же ощущаю себя увереннее. Раскованнее. Я хорошо чувствую, когда с моей стороны уместно «притормозить», а когда надо идти вперед и не бояться. Мне повезло с учителями.

– Извините за мое молчание, – решаю показать боссу, что разговаривать я все же могу.

– Ничего. Я сразу понял, что вы волнуетесь. И я бы на вашем месте до сих пор нервничал, – слабая ухмылка приподнимает уголок его губ, и лицо босса становится таким завораживающе сексуальным, что аж внизу живота что-то екает.

Глава 2

Босс пропускает меня в кабинет первой. И, не давая возможности даже открыть рта, говорит:

– Вот.

Протягивает мне небольшой лист, исписанный ровными рядами цифр.

На минуту я теряюсь, глядя на цифры, но потом до меня доходит, что это дата и время, когда я должна буду явиться в офис компании вместе с боссом. Так как в таблицу уже были внесены мои фамилия, имя и отчество. Что это значит?

Я протягиваю руку, чтобы забрать листок. Сдавливаю краешек пальцами. Дергаю, но босс не отдает, держит крепко. Смотрит на меня пристально.

– Сколько вам лет, Майя?

От его вопроса мне становится не по себе.

– Двадцать два, – отвечаю и отпускаю листок, босс делает то же самое. Бумага, закручиваясь в воздухе, падает на пол.

– Хм, а выглядите вы очень молодо. Думал, только школу закончили, – ухмыляется.

Взглянув еще раз на меня, отступает и идет к своему огромному креслу.

Я, не сводя с него взгляда, присаживаюсь, поднимаю листок, а босс, опершись задом о столешницу рабочего стола, не сводит пристального взгляда с меня.

– Ну-с, давайте, Майя, проходите. Садитесь. Будем знакомиться ближе, – говорит он и улыбается, сверкнув зубами. Его улыбка совсем не приветливая, скорее, напоминает хищный оскал. Так улыбается волк, готовый к прыжку.

Я, не ожидавшая такой перемены, присаживаюсь на край кресла, замуриваюсь в надежде на то, что сейчас открою глаза, все это исчезнет и босс снова станет самим собой.

Он продолжает:

– Майя, я уже спрашивал, но хочу спросить еще раз: как проходит ваша стажировка? Все ли вам нравится? Все устраивает вас? Или есть пожелания? Может, зарплата маленькая?

– Нет, нет, – поспешно отвечаю. – Мне все нравится. Я очень довольна. Мне как стажеру все подходит, – натянуто улыбаюсь, а про себя думаю: хоть бы он меня уже отпустил и не удерживал, а то я начинаю его бояться.

– Вот и отлично, – ухмыляется босс. – Если вас все устраивает, то с этого момента вы находитесь в моем подчинении. Теперь я ваш непосредственный начальник и босс, и вы будете работать на меня, – сказал как отрезал.

У меня челюсть медленно отваливается. Чтобы ее придержать, приходится приложить к ней ладонь.

– Что? Но... как же? Я даже стажировку не прошла... – мямлю, не зная, радоваться этой новости или плакать, потому как по взгляду, который на меня бросает босс, понимаю, что его интересует моя внешность. Ведь он все время лапает

меня глазами.

– Все будет в процессе, Майя. Мне в данный момент для деловых встреч нужна именно такая девушка, как вы. Денис Сергеевич вас очень хвалил, – рокочет Степан Геннадьевич.

Оттолкнувшись от столешницы, он идет к своему креслу, тем самым увеличив между нами расстояние. Я облегченно выдыхаю.

– Я усердно работала, – отвечаю без стеснения. Похвалу Дениса Сергеевича я получила заслуженно. Но вот только что мне с ней делать в данном случае?

– И мне это нравится, – улыбается босс. – На том листе, который у вас в руках – расписание, как, надеюсь, вы уже догадались. Время указано в таблице. Мы будем в это время встречаться здесь, а потом выезжать на переговоры с иностранными инвесторами. У вас с английским, насколько мне известно, все хорошо?

– Да. Я английским владею в совершенстве, – подтверждаю.

– Идеально. Первые переговоры будут пробными. Если меня все устроит, будем сотрудничать дальше, – говорит босс, а сам глаз с меня не сводит. У меня полыхает лицо. – Майя, что-то не так? Почему вы так волнуетесь?

Я пытаюсь отвести взгляд, но не могу. Мой голос дрожит, когда я отвечаю.

– Не знаю, – пожимаю плечами.

Его бровь поднимается вверх.

– Хм, – хмыкает он, и я понимаю, что он на самом деле прослушал то, что я ему ответила, думая о чем-то своем. – Ну ничего, привыкнете, – бросает скупое. – А сейчас собирайте свои вещи, и пусть вам Денис Сергеевич выделит стажера, чтобы помог переехать. Теперь ваше рабочее место будет там.

Босс указывает куда-то за мою спину, и я, резко обернувшись, вздрагиваю. Я совсем не ожидала того, что мое рабочее место будет находиться непосредственно в кабинете Степана Геннадьевича. Ведь я буду в полной его власти. Все время рядом. Все время под прицелом.

– Майя, и еще по поводу зарплаты уточню, – обрывает мои размышления босс. Я поворачиваюсь к нему лицом. – Она будет в три раза больше, чем вы получаете сейчас. Надеюсь, это новость замотивирует вас.

Я не могу поверить в то, что сказал Сафронов. В три раза! Так мы тогда с Дашкой и папой совсем в деньгах нуждаться не будем. Да ради этого я готова работать в одном кабинете хоть с самим Моргенштерном, черт бы его побрал!

– По вашему виду могу предположить, что вас эта новость обрадовала.

«Не то слово», – хочется сказать ему, но у меня от переизбытка эмоций пропал дар речи. Я молча киваю, улыбаясь Степану Геннадьевичу во все тридцать два.

– Тогда ступай. И жду тебя после обеденного перерыва на рабочем месте. Обсудим завтрашний день. Кстати, Ниночка

Павловна введет тебя в курс дела. Если появятся какие-то вопросы, обращайся к ней.

Монолог босса неожиданно прерывает телефонный звонок. Он, взглянув на экран айфона, хмурится.

– Иди, – бросает скупое, принимает вызов: – Слушаю тебя, Максим.

На этих словах я прикрываю за спиной добротную тяжелую дверь в кабинет босса.

Секунда. Две...

– Ура! – вскидывая руки вверх, кричу шепотом, прыгаю на месте, хлопаю в ладоши.

– Вообще-то здесь камера. Будь сдержаннее, – обрывает мою радость недовольное бормотание из-за высокой стойки.

Я замираю на месте. Оглядываю приемную на предмет камеры... и... Черт! Она висит над входом, и глазок смотрит ровно на меня. Лицо вспыхивает жаром, а живот скручивает от эмоций.

Прикрываясь ладонями как козырьком, прячу лицо и гуськом пячусь к выходу.

– Ты куда? – снова доносится из-за стойки.

– Я приду чуть позже, – отвечаю и вываливаюсь из приемной.

– Блин блинский! – стону в голос. – Какая же стыдоба-то, – бормочу под нос. – Как после этого боссу в глаза-то смотреть?

Не прекращая стенания, возвращаюсь на свое еще рабо-

чее место.

Погруженная в свои мысли, не сразу замечаю, что все взгляды стажеров направлены в мою сторону.

– Эй, Майка! Ну что там? – окликает меня Костя.

Я поворачиваюсь к нему лицом, но не сразу соображаю, про что он спрашивает. Смотрю на него с вопросом в глазах.

– Ну, чего тупишь? Зачем к Сафрону ходила? – фамилию босса произносит почти шепотом.

– А-а-а, ты вот о чем! – наконец сообразив, я растягиваю губы в улыбке. Так хочется похвастаться, что сил нет.

– Что, взяли на работу? – Костя привстает на своем месте, а я вижу в его глазах какой-то нездоровый блеск, но все же киваю в ответ, еле сдерживаясь, чтобы снова не запрыгнуть на месте.

– Ну ты и везучая, – раздается за спиной завистливый Олин вздох.

А я закусываю губу и с размаху плюхаюсь в свое кресло, раскидываю руки. Растекаюсь в нем.

– Да! Согласна! – выдыхаю радостно. Пусть завидуют. Мне уже все равно.

Глава 3

– О, а что за праздник? – сестра вальяжно заходит в зал, окидывая взглядом скромно собранный мною ужин. Единственное, что было праздничного на столе – так это торт.

– Дашка! – я вскакиваю со стула, на котором сидела рядом с папой, и кидаюсь сестре на шею. – Поздравь меня! Я получила место личного помощника! Теперь у нас будет много денег! И тебе не придется впахивать в своем кафе! Нам на все хватит!

Я крепко обнимаю Дашку за шею. Радости в груди столько, что хочется ею поделиться со всеми.

– Угу, – скупно отвечает сестра.

Я заглядываю ей в лицо.

– Даш, ты не рада? – не верю своим ушам. – Разве не рада?

Сестра высвобождается из моих цепких объятий, проходит к столику и, скрестив ноги, садится на пол.

– И че тебе надо будет делать? – голос у сестры потухший, серьезный.

У меня сразу же портится настроение. Да что с ней не так? Почему она не радуется моим успехам?

– Ну, я буду сопровождать главного босса на деловых встречах с иностранными инвесторами, – плетусь к своему месту и плюхаюсь рядом с сестрой.

– Дочки, вы такие у меня умницы, – подает голос папа,

и у меня инстинктивно губы растягивает довольная улыбка, когда смотрю на него.

– Спасибо, пап. С первой же зарплаты тебе массажиста найдем, – подтягиваюсь к отцу, склоняю голову на его предплечье, и он накрывает мою макушку ладонью, гладит ее.

– Ничего, Дашуль. И тебе повезет, – хриловато произносит папа, и моя улыбка сползает, когда вижу, как лицо сестры превращается в маску.

– Непременно, – сухо отвечает, встает резко, даже ни к чему не притронувшись. – Что-то аппетит пропал. Я пойду, – кривится.

Черт! Ну что она так реагирует? Папа же не со зла!

– Даш, – зову ее.

– Отвали! – сердито кидает и выходит из комнаты.

– Это я ее обидел? – в голосе отца звучит тревога.

– Пап, ну ты же знаешь, как она болезненно реагирует, когда заходит разговор на подобные темы, – я аккуратно высвобождаюсь из-под его руки, встаю. – Но ты не переживай, все дело в Дашке. Я сейчас приду, – посылаю папе ободряющую улыбку и выхожу вслед за сестрой.

Запах табачного дыма сразу же подсказывает, где она. Иду на кухню.

– Даш, ну что не так? – я сажусь на стул, смотрю на сестру.

– Отвали, – грубо требует она, выпуская изо рта колечки дыма.

– Ты мне завидуешь? – решаю подойти к Даше с другого

бока.

– Что? Завидую? Тебе? – искренне удивляется она.

– Ну да. Я красивая, умная, талантливая. И работаю. И учусь. А ты только работаешь, и то не пойми где. Теперь понятно, да, почему ты такая нервная и злая.

И тут же жалею о сказанном. Глаза у Дашки округляются, как у кошки.

– С чего взяла? Это все муть!

– Ну не знаю, – теряюсь я, – ты так странно ведешь себя.

– Я веду себя так, как мне нравится, если ты еще не поняла, – сестра тушит бычок, кидает в открытое окно. – И мне откровенно плевать, куда и кем ты устроилась. Абсолютно, – ее тень нависает надо мной. – Ясно? – сдерживая ярость, шипит сквозь зубы.

– Дашка, – я пытаюсь схватить сестру за руку, но она, круто развернувшись, уходит, – у меня и в мыслях не было обидеть тебя! Не злись, а? Ну прости! – кидаюсь за ней, но успеваю только «поцеловать» закрывающуюся входную дверь.

– Черт!

Зачем я это все затеяла? Хотела вывести сестру на разговор, а получилось, что выгнала из квартиры.

– Майя! – зовет папа, и я, приклеивая к губам улыбку, заглядываю в зал.

– Да, папуль? – стараюсь, чтобы голос звучал ласково.

– Это Даша ушла? – озабоченно интересуется. Вид у него такой печальный, что сердце в комок сжимается.

– Ага, ей кто-то позвонил. И она ушла, – вру отцу: не хочу, чтобы он расстраивался сильно.

– Она в порядке? – уточняет.

– А что ей, пап? С нее все как с гуся вода, – пытаюсь шутить и замечаю, что отец успокаивается. У меня отлегает. – Ты отдыхай, не обращай на Дашку внимания.

Папа улыбается вымученной улыбкой, и я понимаю почему. Наша Даша в свое время потрепала родителям нервы. Если бы не ее безумная выходка, мама была бы жива, а папа не стал бы инвалидом. Сказать, что я винила ее? Да, винила.

Первый год был для нас всех очень тяжелым. Даша ушла в жестокую депрессию. Папа не сломался лишь только потому, что я была одинока, напугана, подавлена. И ненавидела сестру так, что в какой-то момент поймала себя на мысли, что желаю ей смерти. Что не она должна жить, а мама. Мама для меня была источником света и жизни. Как и мы для нее.

От волнительных воспоминаний дыхание сбивается и изо рта вырывается прерывистое дыхание. Глаза наполняются слезами. Дашка. Бедная моя Дашка! Я даже не знаю, как она смогла меня простить.

Отлепляюсь от стены и бросаюсь к окну в кухне. Из него можно просмотреть двор. Прилипнув к стеклу, вглядываюсь в темноту. От напряжения ломит глаза. Но я не могу оторвать взгляда. Если я сейчас не увижу Дашку, то места себе не найду. И когда в темноте появляется красный огонек, немного успокаиваюсь.

Отталкиваюсь от стекла, ухожу в комнату. Знаю, что Дашка видит меня. Я чувствую. И она чувствует тоже. Тревога забирается в сердце, но объяснить ее природу пока не могу. Не понимаю.

Перед тем, как лечь спать, проверяю папу.

– Ты не спишь еще?

– Да что-то не спится, принцесса. Сейчас сериал досмотрю и лягу. А ты не жди меня, ложись отдыхать. Тебе ведь завтра на работу.

– Угу, – киваю. – До завтра.

Закрываю дверь в комнату и с тоской смотрю на входную. Дашку ждать бесполезно, она если и придет домой, то только под утро. Поджимаю с досадой губы. Жаль, что я не могу ничего сделать. Даша отдалилась от меня. Выстроила Великую Китайскую стену, и всему виной я.

В памяти всплывает наш скандал накануне.

Глава 4

Смотрю на сестру в упор и не понимаю, почему она старше меня на несколько минут (мы с ней близняшки), а ведет себя словно подросток. Никакой ответственности.

Стоит передо мной в обтягивающих длинные ноги черных кожаных штанах, косухе, надетой на майку без лифчика, плечом в косяк упирается. Разнузданная. Бесстыдная. Короткие волосы назад зачесала. Глаза жирными черными стрелками подвела. Губы красной помадой накрасила. Жвачку жуёт. Собралась куда-то, видимо? Одни взрослые мужики у нее в голове.

– Даш, ну ты же обещала, что папе сегодня лекарства купишь! – сглатывая тугой комком, застрявший в горле, плаксиво напоминаю.

– Ну и? – кидает на меня ленивый взгляд, подёрнутый томной поволокой.

– А если ему станет плохо?

– Ну и?

Сестра отлепляется от косяка и, отгалкивая меня, идет в сторону кухни. За ней тянется шлейф приторно-сладких духов. Фу, аж противно. Неужели они ей нравятся?

– Даш! – догоняю ее, хватаю за руку.

Сестра резко поворачивается ко мне, вырывается.

– Не делай больше так. Поняла?! – угрожающе шипит.

Я непонимающе хлопаю глазами.

– Даш, что с тобой? – задаю вопрос, но вместо ответа сестра просто поворачивается ко мне спиной и продолжает свой путь.

Я же остаюсь на месте, со свистом втягивая воздух. Думаю над тем, что же делать. Мне зарплату дадут только в конце недели, а до нее еще целых два дня. И что теперь будет?

Поворачиваю в коридор и подхожу к родительской спальне, где лежит папа. После автомобильной аварии он так и не смог восстановиться: остался инвалидом.

Открываю дверь. Заглядываю в образовавшуюся щель. Папа спит. Пока спит. Скоро подойдет время приема лекарств, а их нет. Потому что Даша обещала, что денег даст, и я на нее очень надеялась.

Лгунья. Как ей вообще верить можно? Разве можно так? Если бы она не пообещала, я бы постаралась найти деньги сама к этому моменту!

Тихо прикрываю дверь и снова кидаюсь на кухню. В глазах слезы.

– Ненавижу! – кидаю ей в лицо.

– Ожидаемо, – скупое отвечает, делая очередную затяжку.

– Не смей здесь курить! Ты не одна тут живешь, – кидаю ей сердито.

– Так выйди. Я потом проветрю, – отвечает безэмоционально.

– Дашка, ну разве тебе не жалко папу? Почему ты так с

ним поступаешь? Почему ты так поступаешь со мной?

– Боже! Майка! Прекращай спектакль, – с раздражением тушит бычок. Наконец-то у сестры появляются хоть какие-то эмоции.

– По-твоему, то, что я забочусь о папе, это игра?! – возмущаюсь.

– Ну нет у меня денег. Где я их возьму? Где? Голяк в кафе. Одни бомжи в последнее время тусуются. Чаевых не оставляют...

И в этот момент на мой телефон приходит смс. Я удивленно смаргиваю. Открываю сообщение.

«На ваш счет поступило десять тысяч рублей от Виталия Алексеевича В.»

– Что там? – спокойно спрашивает Даша.

– Деньги, – оторопело отвечаю. – Но... откуда?

– От верблюда. Кто прислал? – на ее губах появляется противная улыбка.

– Не знаю, какой-то Виталий, – пожимаю плечами. – А ты его знаешь?

– Вот тебе и деньги. Беги за лекарством, – отмахивается Даша и снова вставляет сигарету между губ, прикуривает.

И тут я замечаю, как ее пальцы дрожат. Сестра волнуется. Но почему?

– Даш, что это за деньги? – осторожно спрашиваю. У меня закрадывается нехорошее предчувствие.

– Тебе какая разница, Май?

А я по ее глазам вижу, что она о чем-то серьезно задумалась. И теперь то и дело кидает взгляд в окно.

– Есть разница, Даш. Я хочу знать, откуда у тебя такие деньги. Ты же мне только что сказала, что у тебя туго с работой, разве можно получить такие деньги просто так?

Она качает головой и опускает глаза. Я, чувствуя что-то странное, но не понимая, что именно, пытаюсь взять ее за руку. Сестра сопротивляется.

– Что ты до меня доколебалась, а? – шипит сквозь зубы.

И тут я осознаю, что она меня обманула.

Даша сжимает мои запястья, откидывает руку. Я смотрю в ее глаза, и мой взгляд затуманивается, как будто я в бреду. Если я не узнаю – я ее убью.

– Я... – начинаю.

Но в ее глазах мелькает злость, и я уже знаю, что она скажет.

– Послушай меня, Майка. Тебе нужны были деньги? Я тебе их дала. Свали теперь, поняла? Иди!

Она сжимает меня за плечи, круто разворачивает и толкает в спину.

На глаза наворачиваются слезы. Я молча поддаюсь ей. В любом случае, сестра права. Нам сейчас нужны деньги. Папе нужны лекарства. Но чуть позже я обязательно добьюсь от нее ответа на вопрос, где она взяла деньги.

Сестра выталкивает меня в коридор.

– Смотри поаккуратнее. На улице уже темно. Нигде не за-

держивайся, – напутствует.

Я поднимаю на нее взгляд. Даша тут же отводит глаза, но я успеваю заметить, как в них проскальзывает страх. Что же ей пришлось сделать, чтобы заполучить эти деньги?

Глава 5

Бодрой походкой захожу в двери офиса. Чувствую в груди трепетные вибрации. Сегодня первый день моей официальной работы. Я умница. Молодец. Я добилась того, чего хотела.

Боковым зрением ловлю на себе любопытные взгляды, не только мужские, но и женские. И это не удивительно! На мне короткая черная юбка, которая хорошо подчеркивает фигуру и открывает взору длинные стройные ноги, затянутые в колготки в мелкую сеточку, и элегантная блузка. В офисе строгий дресс-код, и мне пришлось постараться, чтобы не выйти за его рамки.

С одной стороны, я понимаю, что лучше не выпячиваться, но с другой – я хочу выделиться перед боссом. Не хочу быть одной из... многочисленных сотрудниц офиса. Хочу везде быть первой. И незаменимой.

Улыбаюсь своим мыслям. Видя реакцию людей, я понимаю, что добилась своего.

На полном позитиве вхожу в дверь приемной и делаю комплимент Нине, секретарше босса:

– Доброе утро! Хорошо выглядите.

– Угу, – слышу из-за стойки. – Как настрой?

– Боевой, – отвечаю.

– Вот и славненько, – натужно произносит Нина и подни-

мается со своего места, а у меня от удивления округляются глаза.

– Что? – пухленькие губы секретарши раздвигаются в улыбке.

– Вы беременны? – зачем-то спрашиваю очевидное.

– Да нет, черт побери, муляж! – отвечает весело, покачивая свой живот из стороны в сторону, смеется.

А у меня по спине мурашки бегут. Я вообще стараюсь обходить беременных стороной. Когда вижу девушек с животом, то сразу же отворачиваюсь, ухожу, а тут... то, чего избегала, оказывается очень близко.

– Эй, с тобой все хорошо? Ты чего побледнела? – секретарша машет перед моим лицом рукой.

– Все... все хорошо, – хрипло отвечаю и увеличиваю расстояние с девушкой, отступая на несколько шагов. – Извини, мне нужно выйти на минутку.

Не дожидаясь ответа, вылетаю за дверь и, быстро перебирая ногами, иду в направлении туалетной комнаты.

Но от прошлого не скрыться: оно на меня наваливается как раз в тот момент, когда оказываюсь в одиночестве, запертой в замкнутом помещении.

Дашке тогда было шестнадцать. О том, что с ней случилась беда, никто не знал вплоть до того момента, пока она не стала причиной пожара на нашей даче.

Помню тот день до сих пор, так ясно, как будто вчера все произошло. Единственное, эмоции и боль потери притупи-

ЛИСЬ.

– Ваня! Дача горит! – оглушительный мамин крик сотряс квартиру. Ей об этом сообщила соседка по даче.

Мы тут же бросились из квартиры. Сели в машину, и папа, нарушая все мыслимые и немыслимые правила дорожного движения, гнал на бешеной скорости в сторону дачного поселка.

Его лицо было суровым и одновременно тревожным. А мама, не сдерживая слез, все плакала и плакала. Мы все боялись одного: с Дашей могла случиться беда. Ведь вчера сестра уехала на дачу.

Дашу удалось спасти, пожар – потушить. А вот то, что она нам рассказала позже, уже никак не исправить.

Когда Дашка пришла в себя, выяснилось, что это она подожгла дачу. Родители чуть с ума не сошли, а вот причины, по которым она это сделала, нас поразили. Оказывается, Даша это сделала потому, что была беременна, а отцом ребенка стал парень, который ее изнасиловал.

Откровение сестры для нас было шокирующим. Мы несколько часов просидели возле дымящихся руин, которые остались от дома, в немом молчании. Каждый думал о своем.

– Мне так стыдно, – плакала Дашка. – Я не хочу жить. Не хочу рожать этого...

Она сжимала живот руками, как будто пыталась вырвать оттуда плод. Мама ее обнимала. Гладила по голове.

Уговаривала. А папа... Папа был обескуражен и подавлен.

Но спустя некоторое время он вынес свой вердикт:

– Аборта не будет, Даш. Ты родишь ребенка, а что будет дальше, жизнь покажет.

Мама поддержала отца. А Дашка... Дашке ничего не оставалось делать, кроме как смириться.

Но жизнь решила все иначе.

Когда мы возвращались уже домой, в нас влетела фура. Мама погибла на месте – мгновенно, так как удар пришелся на ее сторону. Дашка потеряла ребенка. Папа стал инвалидом, а я... Я получила незначительные царапины – и это меня убивало больше всего. Я помню, как молила Бога о том, чтобы он вернул мне маму. Чтобы забрал мою жизнь, а ее вернул. Но этому не суждено было случиться. И вся моя боль, отчаяние, горе переросли в ненависть... к сестре. Я возненавидела Дашку. Сильно. Страшно.

– Ну? Что там у тебя? – встревоженно спрашивает секретарша, когда возвращаюсь обратно.

– Извини, пожалуйста. Давление скакнуло, видимо, – отмахиваюсь.

– В твоём возрасте и давление?! Что же будет через пару годиков? А когда забеременеешь? – бубнит Нина.

– Ой, это ты слишком далеко заглядываешь, – натянуто улыбаюсь секретарше и в этот момент чувствую, как со спины надвигается опасность.

Резко поворачиваюсь и упираюсь взглядом в широкую грудь Степана Геннадьевича. Его аромат дорогой туалетной воды ударяет в нос, заполняет легкие мгновенно. От этого немного кружится голова, и меня пошатывает. Но отступить мне не дает жесткая хватка сильных пальцев, сомкнувшихся на моем локте.

– Осторожнее, Майя, – рокошет босс, и от его голоса в кожу словно миллиард иголок вонзается.

– Извините, – тушуюсь перед мужчиной.

– Доброе утро, Степан Геннадьевич, – вмешивает секретарша, разрешая неловкую ситуацию.

– Здравствуй, Ниночка. Майя, заходите, – босс подталкивает меня в кабинет, и я кидаю короткий взгляд на секретаршу: та растерянно хлопает глазами, провожая нас.

Когда мы остаемся со Степаном Геннадьевичем в кабинете одни, он наконец-то отпускает мой локоть, а сам широким шагом следует к своему столу.

– Ну, что застыла? Раз пришла, присаживайся, – холодно произносит мужчина, и я, встрепенувшись, стряхиваю с себя оцепенение, иду к своему столу.

– Простите, Степан Геннадьевич. Это все волнение. И еще... я не знала, что Нина Павловна... беременна, – последнее слово мне удается выговорить с трудом.

Замечаю, как у босса по лицу скользит тень и тут же исчезает.

– А что удивительного? Нина – молодая девушка. Заму-

жем. Так что рано или поздно это должно было произойти, – отвечает босс, но в его голосе я улавливаю какие-то странные эмоции, то ли недовольство, то ли разочарование, не понять.

– Да, – коротко отвечаю, надеясь, что босс не будет продолжать эту тему, но...

– А позвольте задать вам вопрос несколько личного характера, Майя... – босс выдерживает выразительную паузу.

– Да? – вскидываю брови и тут же присаживаюсь за свой стол, чтобы скрыть трясущиеся коленки.

– А как у вас с личной жизнью?

У меня от его вопроса воздух застревает в горле плотным комком.

– Кхе, – прокашливаюсь, прежде чем продолжить. – Нет. К сожалению, пока ее нет, – отрицательно качаю головой. – Да и времени нет. Сейчас у меня в приоритете карьера и карьерный рост. И сердечные дела мало волнуют.

Я говорю, а сама то и дело замечаю, что босс не сводит с меня взгляда.

– Ой, простите, я, наверное, много говорю, – смущаюсь снова.

– Нет. Нет. Не беспокойтесь, Майя. Мне вас действительно приятно слушать, – глубоко вздыхает Степан Геннадьевич, откидывается в кресле. – Я просто провожу аналогию между вами и моим оболтусом, и меня не покидает ощущение, что где-то я допустил ошибку в его воспитании. Где-то просчитался.

– Оболтус? – у меня вырывается нервный смешок.

– Да. Максим. Мой сын. Ну, я надеюсь, если у нас с вами все срастется, вы его еще увидите, и не раз. Только хочу предупредить сразу: у него отвратный характер и манеры. Не обижайтесь, а лучше не обращайтесь на него внимания, – говорит босс, и я делаю заметку в голове: не общаться с богатым мажором.

– Я не из обидчивых, – улыбаюсь.

– Я так и понял, что мне повезло заиметь вас в качестве помощницы. Но вы не расслабляйтесь. Вас еще ждут испытания. Сегодня первая встреча. Готовьтесь, – босс воодушевленно улыбается.

– Я всегда готова, Степан Геннадьевич, – деловито поджимаю губы, напуская на себя важность. Открываю папку с бумагами, чтобы перечитать материалы встречи.

Глава 6

Я думала, ужин с инвесторами никогда не закончится.

Когда прихожу домой, то сразу направляюсь в ванную. Включаю воду и, когда температура становится для меня оптимальной, просто залезаю, раздеваясь. Боже! Я так паскудно себя никогда не чувствовала. Не в плане физической усталости, а в плане психологической. Я ощущаю себя выжатым до последней капельки лимоном. На душе так хреново, что даже стоять тяжело. Выставляю руки перед собой, опускаю голову. Не думала, что настолько пропущу через себя ту ответственность, которую возложил на меня босс. До сих пор не понимаю, зачем я все восприняла так буквально.

Мышцы сводит судорога, и в глазах темнеет. У меня сдают нервы. И я, тихо всхлипывая, чувствую, как первые слезинки, смешиваясь с водой, выливаются из глаз. Трусиха. Не ожидала от себя такого.

Перед внутренним взором прокручиваю нашу совместную поездку до ресторана со Степаном Геннадьевичем.

– Майя, – низким, вызывающим мурашки голосом зовет босс, я поворачиваюсь к нему.

– Да, – отвечаю, не сдерживания волнения от предстоящей встречи с инвесторами.

– Я хочу кое-что тебе сказать.

Неожиданно мужская ладонь ложится мне на колено, сжи-

мает.

Я в недоумении округляю глаза. Смотрю сначала на босса, потом на его ладонь и снова на босса.

– Что вы делаете? – вырывается глухо, так как во рту у меня вмиг пересыхает.

– Вот об этом и хочу поговорить, – босс одним рывком пересаживает меня к себе ближе, и его горячее дыхание опалает шею. От приступа дурноты у меня кружится голова. Дыхание застревает где-то на выходе из легких. – Ты мне сразу понравилась, как только увидел тебя.

Я каменею в его руках.

– Слушай, Майя. Я знаю, что ты девочка умная, даже очень, и меня это заводит. Так что предлагаю один раз: если согласишься быть со мной, я сделаю так, что ты ни в чем не будешь нуждаться. Сделаю королевой.

Его сухие губы касаются моей шеи, ключицы. А я сижу и с места сдвинуться не могу. И ответить тоже не могу. Тело как будто не мое. Чужое.

– Я понимаю, что рано вывалил на тебя свое признание, – босс не отпускает меня, держит в объятиях. – Но ты такая сладкая, что ждать больше нет сил. Хочу тебя. Очень.

У меня шок от его признания. Он же взрослый мужчина! Да я ему в дочери гожусь! К тому же жену я его видела, она же совсем молодая! Зачем он ей изменяет?!

– Степан Геннадьевич, – его имя царапает мне небо, язык, – а ваша жена? Сын?

– Ой, малышка, это тебя вообще не должно волновать. Жена у меня далеко. Да и зачем ты вообще о ней говоришь? Ты к ней не имеешь никакого отношения. А Макс... он все понимает уже давно и знает, что у нас с его матерью давно разлад и она мне больше не интересна...

– Степан Геннадьевич, – я каким-то чудесным образом все же беру себя и контроль над своим телом в руки. Передегиваю плечами, пытаюсь сбросить цепкие пальцы босса с тела. – Я не хочу вас обижать, но... вы не в моем вкусе. Да и карьеру делать через постель в мои планы не входило. Если вас я не устраиваю как работник, то увольте меня сразу. Я не буду с вами спать.

Смотрю мужчине прямо в лицо. Глаза в глаза. Я не знаю, откуда во мне взялась такая безумная храбрость, но точно знаю, что делить постель со взрослым мужчиной не буду.

– Господи! – на лице босса рождается дерзкая похотливая усмешка. – Что же ты делаешь со мной, звереныш? Ты словно дикая кошка: пытаешься царапаться, но ведь в душе-то понимаешь, что это бесполезно. Ты только оттягиваешь время.

Фу! Фу! Фу!

Подставляю открытый рот под струи воды, промываю его.

Конечно же, я понимаю, что смыть поцелуй босса мне не удастся, но я все равно постараюсь. Хватаю мыло, с остервенением намыливаю рот. Полностью. Тру губы до боли. Какой

же я глупой была, когда поверила в то, что Степан Геннадьевич оценил не мою задницу и длинные ноги, а ум!

Когда с мытьем рта заканчиваю, принимаюсь за все остальное. Сдернув с себя одежду, бросаю прямо тут же, на дно ванной, и, вылив полпузырька геля на мочалку, принимаюсь ожесточенно тереть те места на коже, которых касался мужчина. Отвратительное ощущение бесстыдства, въевшееся в кожу, уходит только спустя полчаса моих стараний, когда она уже горит огнем. Я наконец-то могу немного забыть-ся, переключаясь на эту боль.

Выходя из ванной, я принимаю четкое решение, что завтра же уволюсь к чертовой матери! И пусть Дашка будет зло-радоваться. Я перетерплю, но зато это будет не так постыд-но, нежели продать свое тело боссу.

– А я уж думала, ты там утонула, – слышу голос сестры.

– Лучше бы, – бубню под нос.

– Эй! А ну-ка стоять! – окликает меня Даша в тот момент, когда я уже направляюсь в свою спальню.

Поворачиваюсь к ней.

– Чего? – уставшим голосом спрашиваю. – Только давай быстрее, а то с ног валюсь.

Дашка оказывается возле меня ровно через секунду. Хва-тает крепкими пальцами за подбородок, крутит голову в раз-ные стороны.

– Больно же, – морщусь. – Отпусти.

– Что с губами? Почему такие пухлые и все в трещинах? –

щурится, смотрит подозрительно. – А глаза чего заплывшие? Ревела, что ли? Обидел кто?

– Прекрати, – перехватываю ее запястье. – Что за допрос? Я вообще-то уже давно взрослая.

– Ага. Давай рассказывай. И без утайки. Знаешь же, меня не обмануть, – настаивает сестра.

– Да что рассказывать...

Я не знаю, что и думать. Такие вещи рассказывать стыдно, да и не собираюсь я в этой фирме задерживать дольше, чем еще на один день. Документы заберу завтра и уйду. Жалко только одного: времени, которое я там потратила.

– Завтра буду писать заявление. Хочу уволиться, – сухо заканчиваю.

– То есть как? – ошарашена сестра.

– Расстроилась? – с иронией спрашиваю. Не ожидала, что Дашка так искренне будет соперничать.

– Нет, – отрицательно качает головой, – удивлена просто. И с чего это? Ты же только вчера верещала от восторга.

Сестра заглядывает мне в глаза, а я молча отвожу взгляд. Не хочу ей ничего объяснять. Незачем все это выставлять напоказ.

– Я так и думала, что не все так просто у тебя на работе, – подытоживает Даша, и я подозреваю, что вывод она сделала правильный.

– Ты о чем? – продолжаю гнуть свою линию.

– К тебе клеится босс? Вот почему ты такая грустная! –

догадывается она. А потом еще и выдает: – И давно? Почему ты мне раньше не сказала? Я б тебе помогла. Как-никак я твоя сестра...

– Не принимай близко к сердцу, сестренка, – устало хлопаю ее по руке. – Рано или поздно это все равно бы случилось. Но лучше рано, так хоть не буду время терять и растрачивать свои знания там, где нужна только красивая грелка в постель.

Даша на меня так странно смотрит, что мне отчего-то становится не по себе. В ее глазах застывают обида и злость... Но как только я собираюсь задать ей вопрос, она тут же вздрагивает и уходит, бросив на прощание свое коронное равнодушие:

– Ну давай, ага, мути там свое увольнение. И потом не приставай ко мне с деньгами. Поняла? Мне их неоткуда взять.

Она уходит в свою комнату, а я так и остаюсь стоять посередине коридора возле двери своей спальни. В голове теснятся вопросы, на которые я не могу найти ответа. Что она имела в виду, говоря, что могу «мутить»? Что за чушь? Стерва! Опять за свое взялась. Лишь бы уколоть. Ущемить.

С досады сжимаю пальцы в кулаки, захожу в спальню. С размаху падаю на кровать. И уже через несколько минут проваливаюсь в сон. Я так устала, что даже мысли о боссе не могут удержать меня в реальности.

Глава 7

Утро наступает слишком быстро. Будильник прозвонил уже несколько раз. Пора вставать и собираться на работу, но я так не хочу.

Я лежу на кровати, укрывшись одеялом с головой, чтобы не видеть яркий свет из окна. Мне снился кошмарный сон, из-за которого тело все покрыто липким потом. Я не хочу его вспоминать, но мозг будто назло запомнил все в мельчайших деталях. Я видела все это словно наяву... Это был не просто сон, а самое настоящее видение.

Во сне я слышала какой-то странный звук, похожий на стон... Но он был настолько тихим, что я не могла распознать, что это за звуки, пока не услышала их снова. Мужской и женский, его и свой. Это было похоже на...

В этот момент я проснулась. Боже! Зажмуриваю глаза. Ужас! Мне снился босс, и я была с ним в одной кровати...

Резко сбрасываю одеяло. Сердце колотится как ненормальное. Вскрываю с кровати и тут же натываюсь взглядом на свои вещи, аккуратно лежащие на стуле. Медленно подхожу к ним. Трогаю. Тёплые? Неужели это Дашка погладила? Не верю! Она давно так не делала. Зачем сейчас? Пожалела?

Направляюсь к двери. Выглядываю и вслушиваюсь в звуки квартиры. Тишина. Папа еще спит. Да и Даша тоже должна. На цыпочках крадусь к ее спальне. Нажимаю ручку вниз

– закрыто. Стерва.

Поворачиваю в ванную, чтобы умыться. Кошмарный сон немного отпускает, и на место плохих эмоций неожиданно приходят теплые, связанные с Дашкой. Вдруг понимаю, что я безумно рада, что у меня есть сестра, что в такую сложную минуту она смогла поддержать меня, пусть даже таким необычным способом.

– Заюш, – без церемоний обращается ко мне Нина, – босс по поводу тебя дал четкие указания. Я тебе уже их озвучила. Не хочешь услышать меня, подожди босса. Он скоро придет.

Я упрямо поджимаю губы. Ждать. Не хочу ждать. Да и с боссом встречаться тоже не хочу. Мне всего-то нужно, чтобы Нина открыла кабинет и я оттуда смогла забрать свои вещи, а заявление и в отделе кадров написать могу.

– Ниночка, ну пожалуйста, – пытаюсь быть милой. – Ну что тебе стоит-то?

– Это будет стоить мне работы. А знаешь ли, с пузом да без декретных я остаться не хочу, – сурово смотрит на меня девушка. – Да и что между вами произошло? Какая кошка дорогу перебежала? Ты вчера так радовалась.

– Да, но это было вчера. Сегодня все по-другому, – не отрицаю я. Но и правду секретарше знать незачем. Хотя по взгляду Нины и так понятно, что она обо всем догадывается...

Девушка понимающе вздыхает и, отложив дела, берет в

руки чашку с остывшим кофе.

Разговор не складывается. Мне не хочется ничего говорить, потому что не люблю врать. Да и какой в этом смысл, если сегодня я вижу Нину в последний раз?

– Я слышала, ты очень понравилась боссу.

Ее слова оказываются полной неожиданностью для меня. Вот как?! Значит, обо мне уже слухи ходят? Ну что ж, ожидаемо.

– Не знаю, – пожимаю плечами. – Наверное, тому, кто тебе сказал, виднее.

– Он сам и сказал, – вдруг Нина сбавляет тон, говорит доверительным шепотом: – Я сама слышала.

У меня от ее слов учащается сердцебиение и дыхание сбивается. Господи! Да что же это такое? Взрослый мужчина, а ведет себя как ребенок! Нет, ну правда. С меня хватит!

– Мне все равно, – отвечаю резко.

И неожиданно в глазах девушки скользит испуг. Она тут же отставляет чашку. И я вижу, как дрожат ее губы, растягиваясь в подобии приветливой улыбки.

Мы не одни.

Резко поворачиваюсь и снова утыкаюсь носом в грудь мужчины. Тихо ойкаю.

– Это уже напоминает ритуал, – усмехается босс, и его ладонь ложится мне на поясницу. А я с трудом могу дышать от такой наглости, поэтому упираюсь ему в грудь, пытаюсь отстраниться.

Но мужчина слишком крепко меня держит.

– Майя, пройдем. Поговорим в кабинете.

На его губах – ухмылка, в глазах – лед. У меня аж мурашками кожа покрывается.

Наивная. И с чего я взяла, что мне удастся так просто уйти?!

– Степан Геннадьевич, я, если честно, немного опаздываю. Меня уже ждут, – знаю, что вру неестественно, но попытку спастись от нашей встречи наедине, по крайней мере, я предприняла.

– Что значит спешишь? Не понял, – удивленно вскидывает брови босс. – Ну-ка, заходи, – распахивает передо мной дверь, пропуская вперед. – Нинуль, сообрази нам кофе, – бросает уже секретарше, и, когда я оборачиваюсь, чтобы посмотреть на нее, дверь тут же закрывается.

– Я что-то пропустил? Или не понял? – мужчина, сверкнув глазами, откидывает черную сумку и двигается в мою сторону, медленно, словно хищник.

– Степан Геннадьевич, вы меня пугаете. Что вы делаете?

Я не на шутку растерялась. Пячусь задом. Но мужчина лишь усмехается и делает еще несколько шагов, почти прижав меня к стене.

– Вы так боитесь, милая... – тянет он.

– Что? – заикаюсь. – Я? Да...

Мужчина молча приближается ко мне почти вплотную, а я и пошевелиться не могу. Он наклоняется, и я вижу его лицо

на уровне своего, но не хочу отворачиваться или смотреть ему в глаза. Поэтому просто жмурюсь от испуга.

– Степан Геннадьевич, вы что-то слишком много себе позволяете, – голос предательски дрожит.

И я все же решаюсь, отворачиваю голову, но босс подхватывает мой подбородок двумя пальцами, вздергивает вверх, фиксируя. Распахиваю глаза. Что он собирается делать?

Степан Геннадьевич хмурится и неожиданно медленно разжимает руки. Отпускает меня.

– Майя. Я не хочу, чтобы наши отношения начинались с подобных стычек, – босс делает шаг назад, освобождая мое пространство. – Присядь, – кивает мне на кресло.

Я с благодарностью смотрю на него, но в следующий же момент напрягаюсь, как только он задает вопрос:

– Расскажи мне, что случилось. У тебя проблемы? – Степан Геннадьевич обходит стол по периметру, садится в широкое кожаное кресло.

Он что, шутит? Я же вчера ясно дала ему понять, что не хочу быть для него офисной шлюшкой. А он ясно дал мне понять, что в другом контексте меня не видит. Так что же тогда он мне пудрит мозг?

– Почему вы пытаетесь сделать это со мной снова? Зачем интересуетесь? Или вы передумали? – спрашиваю я, чувствуя себя неловко.

Я не хочу видеть глаза мужчины. Но мне приходится смотреть: я должна знать, что чувствует ко мне босс. Но его глаза

холодные, как лед, и такие же опасные, как кинжалы, пронзающие мое сердце.

Мне не нравится то, что он делает со мной. Манипуляции с его стороны раздражают. Пугают. Но тогда почему я не отталкиваю его?

Рот босса растягивает безликая холодная улыбка, и я понимаю, что у меня дрожат руки.

– Потому что вы нужны мне, – поясняет он, и у меня заходится сердце.

– Нет. Я не хочу! – качаю головой, вскакиваю с места.

– Стоять! – он резко припечатывает ладонь к столешнице, и я, пискнув, замираю на месте.

– Ох! – за спиной раздается звон бьющейся посуды.

Я резко оборачиваюсь. Нина растерянно смотрит на нас. На лице застыло недоумение, а в глазах – отчаяние.

– Ниночка, ты не вовремя. Зайди немного позже, – в голосе Степана Геннадьевича нет ни одной эмоции. Господи! Куда я попала? – Сядь! – рявкает босс, и я понимаю, что это он обращается ко мне.

Колени сами подгибаются, и я плюхаюсь обратно в кресло. Мне уже страшно. Секретарша, несмотря на большой живот, ловко выскальзывает за дверь, оставляя нас наедине.

Искоса подглядываю за боссом. Он же смотрит на меня и еще сильнее хмурится.

– Майя, что за выходки?! – рокошет. – Я же тебе сказал, что даю время подумать. Я не насильник и не монстр! Я ис-

кренне надеюсь, что ты примешь правильное решение в отношении нас с тобой...

У меня сосет под ложечкой от его слов. Ну как же ему не стыдно?! Ну почему именно мне подвернулось во всем этом принимать участие?!

Смотрю боссу в переносицу: в глаза не хочу.

– Степан Геннадьевич. Вы меня смущаете и заставляете краснеть беспричинно. Я все уже сказала. И решение свое вряд ли поменяю. Я хочу добиться в этой жизни всего сама. У меня есть мозги, которыми я умею пользоваться, и искренне надеюсь, что вы в скором времени оцените именно их. В противном случае, мне придется уволиться. И вы в моем лице потеряете ценного сотрудника, – говорю все на одном дыхании, твердым безапелляционным тоном. Босс не сводит с меня заинтересованного взгляда.

– Даже так? – вскидывает брови, складывает пальцы домиком, кладет на них подбородок. И его взгляд, прожигающий, обволакивающий, пробирается мне под кожу, словно раскаленное шило.

А сама я чувствую, насколько устала. Еще только утро, а уже готова вырубиться прямо здесь, при нем.

– Может, я пойду? – спрашиваю немного растерянно.

– Куда? – интересуется Степан Геннадьевич и смотрит как-то выжидающе.

– Работать, – не обращая внимания на то, как мужчина пристально меня изучает, продолжаю. – У нас же сегодня

встреча. Или я ошибаюсь?

Глава 8

– Наконец-то сегодня пятница! – с облегчением выдыхаю. И это была последняя встреча с иностранными партнерами на этой неделе.

Я выжата как лимон. Но это приятная усталость и заслуженные выходные. Как и премия, которая лежит в конверте в сумочке. Степан Геннадьевич, черт бы его побрал, превзошел все мои ожидания.

После нашего последнего разговора мужчина превратился по отношению ко мне в холодный айсберг. То есть, он начал ходить на работу и выполнять свои обязанности, как и я свои. И я больше не слышала слов о том, что я ему важна.

В какой-то момент я решила, что это знак: наше сотрудничество перешло на другой уровень. Он не предпринимал никаких попыток к сближению или разговору о «нас». А наоборот, я замечала на себе его строгие взгляды, завышенные требования. Он ругался на меня, но при этом давал дельные советы. Я все конспектировала и ловила себя на мысли, что босс все-таки смог во мне разглядеть не просто девушку с упругой задницей, хорошей фигурой и длинными ногами, но и выдающегося молодого специалиста, каковым я и являлась.

Не знаю, как бы все обернулось, если бы я в тот день ушла. Наверное, Степан Геннадьевич рассердился бы и уволил ме-

ня к чертям собачьим, но сейчас я рада, что все случилось как случилось. Я рада, что осталась, и счастлива, что босс больше не подкатывает ко мне. Надеюсь, так будет и дальше.

Я захожу в лифт, улыбаясь. Сегодня день заканчивается как нельзя лучше. Мысленно представляю удивленное лицо сестры, когда покажу ей свою премию.

Не замечая ничего вокруг, нажимаю кнопку. Двери закрываются, и лифт начинает подниматься. Я не придаю этому большого значения. Значит, кабинку кто-то вызвал с верхнего этажа до меня.

Лифт очень плавно едет вверх. А я все это время предаюсь приятным мыслям. Как же мне хорошо! Улыбка не сходит с лица.

Лифт останавливается, двери открываются. В глаза бьет яркий свет. У меня кружится голова от этого. Я сильно жмурюсь. Черт! Что за дела?!

Но в следующий миг все вдруг меняется. Слышу шуршание закрывающихся дверей, и следом все маленькое пространство лифта заполняется приятным ароматом цитруса.

Открываю глаза, чтобы посмотреть на обладателя запаха, и приятно удивляюсь: напротив меня стоит парень. Невероятно красивый. Высокий. Темноволосый. Небрежно, но стильно одет. Но запах... Красавчик пахнет невероятно вкусно. С ума сойти! Я бы хотела, чтобы он стал моим парнем... Что?! Откуда такие глупые мысли? Пугаюсь их сама.

– Дыру не прожги, – парень надменно вздергивает бровь,

косится в мою сторону, глядит с пренебрежением. Меня от такой наглости аж в жар бросает.

Только открываю рот, чтобы ответить ему грубостью, как лифт неожиданно дергается, да так сильно, что мне приходится вцепиться в поручни, чтобы не упасть. Я замираю. Не может этого быть! Лифт останавливается?!

– Мы что, уже приехали? – срывающимся голосом спрашиваю вслух. – А почему двери не открываются? – смотрю на парня вопросительно, и в этот момент свет потухает.

– Твою же мать! – прямо рядом со мной раздается очень раздраженный голос.

Сильнее жмусь к стене.

– Эй, ты тут? – и одновременно с вопросом мою грудь накрывает мужская ладонь.

Меня бросает в пот. Господи! Он что делает? Лапает меня? Он маньяк?

Паника меня накрывает с головой. Я, кажется, не чувствую ног: от волнения они у меня просто отнялись.

– Эм?! – его пальцы сжимаются на полушарии, а я ничего лучше не придумываю, как только вскинуть руку и наотмашь ударить его по лицу, где, как мне кажется, оно должно быть.

– Дура, что ли?! – то ли вопрос, то ли утверждение громко срывается с губ парня.

– А ты руки не распускай, – тут же отвечаю. – Извращенец, что ли? Ты специально лифт остановил?

Шарю в сумке рукой в поисках телефона, чтобы включить

подсветку... Но парень оказывается шустрее, и уже через несколько секунд лифт наполняется ярко-синим светом.

– С головой-то все в порядке? Шизанутая. Может, это ты извращенка? На себя давно в зеркало смотрела? А может, ты следила за мной? И сама все подстроила? – отвечает сухо, направляет на меня фонарь.

– Придурок, что ли? Чего ты придумал всякого! И вообще, кто ты такой, чтобы тебя преследовать? Убери свой фонарь! – отмахиваюсь.

Парень отводит свет. И я вижу, как он меня с интересом еще раз разглядывает.

– Да тут и лапоть-то нечего. И вообще, ты не в моем вкусе, раз на то пошло. Ну-ка, подвинься, – бесцеремонно двигает меня в сторону. И я офигеваю от его наглости и дерзости. У меня внутри все закипает.

– Слушай, ты чего себя так ведешь?! – встаю в позу.

– Как? Закрываю своей филейной частью панель? – с усмешкой спрашивает парень.

И я на миг зависаю. Смотрю то на него, то на кнопки, которые он подсвечивает телефоном. Черт! Выставила себя сейчас полной идиоткой.

– Ты, как я понял, на кнопку вызова диспетчера не нажимала?

– Нет, – отрицательно качаю головой.

– Блин! – парень несколько раз нажимает кнопку, но толку нет никакого. Все глухо. – Кажется, мы застряли, – выносит

вердикт парень, и его взгляд снова направлен на меня.

– Не может быть! Там должен быть телефон! – я дико нервничаю. – Звони давай! – тороплю его.

– У меня нет связи, – произносит с досадой парень.

Я достаю телефон и... черт! Сигнала тоже нет.

– И у меня. Что же нам теперь делать? – в голосе проскальзывают истерические нотки.

– Откуда мне знать? – говорит сквозь зубы парень и окидывает меня таким взглядом, как будто во всем я виновата.

– Что? Почему ты на меня так смотришь? – я прижимаю сумку к груди. Мне становится не по себе в его обществе.

– Макс, – вместо ответа произносит парень, протягивая мне руку.

– Майя, – нерешительно протягиваю свою в ответ, и, когда наши пальцы соприкасаются, меня простреливает разрядом электрического тока.

– Ай! – Максим первый отдергивает руку. – Ты чего такая наэлектризованная? – трет ладони.

– Это ты, – бурчу в ответ и, глядя на то, как парень морщится от боли, не могу сдержать усмешку. Такой забавный.

– Смешно тебе, – цыкает.

– Ведешь себя как ребенок.

– А может, я ребенок и есть? – парень вдруг расправляет плечи, пристраивается сбоку от меня. – Разве не заметно? – играет бровями и кривит губы в улыбке, отчего на щеке ямочка появляется.

– Ты здоровый лоб, а не ребенок, – тут же отвечаю ему, смущаясь от того, как внимательно его рассматриваю, подмечая все детали.

– Ты здесь работаешь? – в глазах Максима вспыхивает озорной огонек. Сердце екает от мысли, что парень может что-то понять не так. Сочтет мою фамильярность с ним за какой-то намек. Но это не так. Я просто нервничаю сильно. Всегда боялась застрять в лифте, тем более с малознакомым человеком.

– Да, – киваю и, прикусывая губу, отворачиваюсь.

Парню явно немного лет. Это видно по его общению. Так дерзко по отношению к незнакомым людям могут вести себя только подростки. Но почему же он во мне вызывает какие-то непонятные странные чувства?

– Слушай, ты чего вдруг замолчала? – Максим неожиданно подходит слишком близко ко мне, настолько, что я чувствую жар его тела. Что он делает? Кто он вообще такой? – Я тебе нравлюсь? Ну же, скажи это!

Я с удивлением смотрю на него, а когда понимаю, о чем он спрашивает, у меня глаза округляются.

С моих губ слетает ошарашенное «Что?», а потом свет фонаря тухнет, и Максим меня целует.

Это не похоже ни на один из поцелуев, которые я когда-либо видела. Его губы мягкие, нежные, сладкие. Его поцелуй не похож на поцелуи, которые были у меня прежде. Он не требовательный – наоборот, он нежный. И я таю в ру-

ках Максима...

Когда он отстраняется, я все еще чувствую его теплое дыхание на губах. Первые секунды я просто молча стою и плююсь на него, с силой сжимая сумку на груди.

– Хм, ничего так, – хмыкает парень, а у меня сердце холодеет от пережитых эмоций и в пятки падает.

– Зачем ты это сделал? – срывающимся голосом спрашиваю.

В этот миг в лифте включается свет, и кабинка, дернувшись, продолжает свой спуск.

Максим безразлично окидывает меня взглядом. Делает шаг в сторону, как будто и не было между нами сейчас ничего.

– Ты о чем? – скупо кидает, даже не соизволив обернуться.

Да что со мной не так? Смотрю на парня и слова сказать не могу, а он будто не замечает моих эмоций. Не замечает меня.

Лифт останавливается. Двери разъезжаются, и парень, не задерживаясь ни на секунду, выходит в коридор.

– Эй, погоди! Ты куда?! – кричу ему вдогонку, сбросив наконец-то оцепенение.

Нет ответа. Максим... А Максим ли он вообще?! В сердце закрадывается сомнение. Широким шагом парень удаляется от меня так быстро, что со стороны может показаться, будто он сбегает.

Проходит всего лишь несколько секунд, и он исчезает...
его нет.

Глава 9

В голове начинает стучать кровь, пульсируя набатом, в ушах шумит, а в глазах темнеет. Мне настолько плохо, что даже не могу сойти с места.

Хватаю телефон и делаю глубокий вдох. Что за странное чувство? словно я не здесь. словно это все только что произошло не со мной! А может, мне привиделось? Может, глюк? Перетрудилась?

В голове проносится мысль: «Неужели я его выдумала?».

Прохожу вперед, и двери лифта сразу же закрываются за спиной. Растерянно кручу головой по сторонам. В холле свет приглушенный и никого нет: сегодня пятница, и все уже разбрелись по домам.

– Майя? Ты еще не ушла? – голос Степана Геннадьевича раздается так близко, что я от неожиданности подпрыгиваю на месте. – Я тебя напугал? Почему ты меня так боишься? – в голосе босса я слышу разочарование и резко поворачиваюсь к нему...

Усталость. Вот что бросается в глаза. Босс явно устал.

– Давай я тебя подвезу? Уже поздно, – предлагает.

– Нет-нет. Я на такси, – отрицательно качаю головой, набираю номер, но мужчина накрывает мой телефон своими пальцами, сжимает его.

– Не беспокойся, – доносится в ответ, – я не буду к тебе

приставать.

Я растерянно хлопаю глазами. Что мне делать? Как поступить? Я не знаю, что меня ждет, если я соглашусь.

– Пойдем, – мужчина перемещает свои пальцы с моего телефона мне на локоть и, немного сжав, ведет к выходу. – Ты выглядишь испуганной. Что-то случилось?

Я молча киваю.

– И что же? – в голосе босса мелькает нетерпение.

– Лифт застрял, – мой ответ даже мне кажется скучным.

– Хм. Разве? Я ничего подобного не заметил, – задумчиво произносит Степан Геннадьевич, но, когда мы проходим стойку ресепшена, он останавливается возле нее.

– Михаил, скажи ребятам, чтобы лифт проверили. Там есть какая-то неисправность, – басит таким тоном, что мурашки по телу бегут.

– Конечно, Степан Геннадьевич, передам, – кивает администратор, при этом его взгляд направлен не на босса, а на меня. – Хорошего вечера, – желает Михаил вдогонку, когда мы вместе с мужчиной выходим из здания.

На улице моросит дождь. Бросаю короткий взгляд на затянутое тучами небо, ежусь.

К нам уже спешит водитель с раскрытым зонтом.

– Степан Геннадьевич! – подчиненный выставляет руку, защищая шефа от дождя.

– Не нужно, – босс отводит руку водителя в мою сторону, и зонт оказывается над моей головой. – Идите.

Мы подходим к машине. Степан Геннадьевич садится рядом со мной на заднее сиденье и отдает короткую команду:

– Поехали.

Водитель кивает. Мы выезжаем с парковки и направляемся в центр.

Проехав квартал, я оглядываюсь. За окном мелькают силуэты домов и деревьев, размытые каплями дождя.

– Ты молодец, Майя, – неожиданная похвала босса заставляет меня замереть на месте и залиться краской.

– Спасибо, Степан Геннадьевич. Я действительно старалась, – отвечаю ему.

– И это заметно. Мне действительно повезло с таким ассистентом, как ты. В наше время очень мало трудолюбивых людей. Они – на вес золота.

Мужчина меня хвалит, а я все больше заливаюсь краской. Это так приятно, что не передать словами.

– Хотелось бы мне, чтобы и Максим чем-то был на тебя похож, – дополняет свою речь босс, а мое сердце перестает биться. Мурашки от плеч по всей спине разбегаются, вызывая неприятную дрожь.

– Максим? – переспрашиваю и замираю в ожидании ответа.

Я неожиданно вспоминаю наш с боссом первый разговор, именно тогда он упоминал имя своего сына. И конечно же, встреча в лифте сразу всплывает в моей памяти в самых ярких красках.

– Да, – недовольно бурчит босс. – В Америку ехать хочет, а я не пускаю. Мал еще. Сосунок совсем. Только восемнадцать исполнилось. Бездарь. Каждый раз, как вижу с ним, настроение только портится. Вот и сегодня...

И дальше для меня весь мир останавливается, сжимается до моих воспоминаний о встрече с Максимом. Я теперь смотрю на него немного иначе; да, я все так же вижу в нем мальчишку. Он молод. Амбициозен. Но теперь мне абсолютно ясно, почему он был так дерзок и нагл. Он просто не хочет ни от кого зависеть.

Возможно, как и я, он хочет всего достичь своим трудом. Но ему это будет сделать намного проще, нежели мне. У его папы, в отличие от моих родителей, есть много денег. А вот мне пришлось немало потрудиться.

– Возможно, вам стоит отпустить его, – отвечаю глухо, скорее себе самой.

Пальцы невольно касаются губ. Они еще помнят его поцелуй. Нежный, мягкий.

– Прости, что? – сквозь вату продирается голос босса.

– Что? – несколько раз часто моргаю, и силуэт мужчины становится четче.

– Ты говоришь, что нужно его отпустить. Почему? – с интересом смотрит на меня Степан Геннадьевич.

Я знаю, что мой ответ вряд ли изменит его отношения с сыном. Да и спрашивает он скорее из любопытства. Босс – взрослый человек. Состоятельный. Добившийся в своей

жизни очень крутых вершин. И что такому мужчине до моего мнения?

Но раз он спросил, я решаю все же ответить:

– Возможно, вы недооцениваете своего сына или не доверяете ему. Восемнадцать – если вспомните – это тот возраст, когда ты полон сил, энергии, любознательности. Когда сердце горит огнем, а ты уверен в том, что любые трудности тебе по плечу. Ни одна гора не устоит перед тобой! Ты заберешься и покоришь любую вершину! – с энтузиазмом выдыхаю.

Мужчина молча наблюдает за мной все это время, а потом неожиданно ударяет себя по колену и начинает смеяться. Я в недоумении пялюсь на него. Он что, смеется надо мной? Я что-то сказала смешное?

Мне вдруг до слез становится обидно. Сжавшись на сиденье в комок, забиваюсь в уголок ближе к двери.

– Майя! Ты невероятна! Теперь я понимаю, почему ты мне так приглянулась, – Степан Геннадьевич кладет мне руку на колено, сжимает. Я каменею. Опять?!

Но босс, как будто не замечая моего состояния, достает из кармана айфон, набирает чей-то номер. Я слышу гудки.

– Да, – раздается из динамика (у босса хорошая слышимость), и я сразу узнаю голос Макса. Он точно парень из лифта.

– Макс, я выполню твою прихоть, – говорит Степан Геннадьевич деланно серьезно.

– Чего?! – настороженно отвечает его сын, и даже я вся

вытягиваюсь на сиденье, прислушиваясь. – И что взамен?

Навостряю уши. Мне тоже любопытно, почему вдруг босс изменил свое решение.

Степан Геннадьевич поворачивается ко мне. Улыбаясь, подмигивает. У меня глаза становятся больше. Мне кажется, я даже начинаю догадываться, что сейчас ответит босс. Сердечный ритм останавливается. Дыхание замирает. Я во все глаза смотрю на мужчину.

– С тобой поедет моя ассистентка, – выдает Степан Геннадьевич.

– Нет! Не-не хочу, – заикаясь, отрицательно качаю головой.

– Так нечестно! – слышу в динамике.

– Я все решил, – резко отвечает босс, убирает с моего колена руку и отключает вызов.

– Но...

– Майя. Это твоя работа. Сейчас ты будешь нужна моему сыну больше, чем мне. Поможешь ему подать все документы в институт. На тебя я могу положиться. А на него – нет. Да и выбора у тебя нет. Скажу честно: командировки в твоём договоре прописаны. Считай, это твоя первая командировка.

Глава 10

– Мне не нужна нянька! – грубо отвечаю отцу. – Тем более одна из твоих подстилок.

– Заткнись! – обрывает меня отец. – Как ты смеешь говорить подобное?

– Я констатирую факты, – парирую, но обороты все же сбавляю.

Грубить отцу не хочу. Но с эмоциями справиться практически невозможно. Я так долго уговаривал его отпустить меня, и что в итоге? Меня будет сопровождать какая-то тетка? Зачем мне нужна нянька? Я хочу развлечься там с друзьями, а она будет шататься за мной везде, а потом отцу докладывать.

– Макс. Лучше не доводи меня, – качает головой отец.

– Ладно. Мне плевать. Я вообще никуда не поеду. Либо я еду один, либо не еду вообще.

– Уже поздно. Билеты куплены. Так что дуй наверх, собирай вещи.

После этих слов отец разворачивается, чтобы уйти.

– Пап?! – моему возмущению нет предела.

– Я все сказал. Ты просил – я сделал. И потом не говори, что я что-то для тебя не делаю...

– Да пошел ты! – бубню себе под нос и, сорвавшись с места, вихрем залетаю на второй этаж, с силой хлопая дверью. –

Ублюдок!

В груди горят разочарование и злоба, то ли на отца, то ли на себя...

Я не могу понять, что со мной. Подхожу к окну. Смотрю ему вслед: он садится в машину и отъезжает. Я знаю, что он поехал к очередной шалаве, с которыми проводит свое свободное время. И это бесит.

Кинул мне подачку и возомнил себя любящим отцом. Ненавижу.

Резко отворачиваюсь и падаю с размаху на кровать. Закрываю глаза. И тут же так некстати в голове всплывает образ девчонки из лифта. Губы дергаются в усмешке, когда вспоминаю ее вытянутое лицо после того, как поцеловал ее. Зачем я это сделал? До сих пор не могу понять. Не знаю. Захотелось.

Интересно, о чем она в тот момент думала? И, что самое интересное, она не смутилась и не отскочила! А продолжала стоять, сжимая свою стремную сумку в руках. Скорее всего, она хотела ответить на поцелуй... Глупая.

Я сразу понял, что ей понравился. Наверное, поэтому поцеловал. Господи! Какого хрена она влезла в мою голову?! Зачем? Почему? Не знаю. Честно, не знаю! Зато я знаю на сто процентов, что сейчас она ненавидит меня.

Как же это было подло с моей стороны – уйти и ничего ей не сказать! Но я был так зол на отца, что всю свою злость выместил на ней. Мне захотелось хоть кому-то сделать больно.

Так же, как сделал мне отец. А эту девчонку мне будто подкинула судьба. Хотя я в нее и не верю, но тут было сложно ошибиться. Я, как только вошел в лифт, с первого же взгляда понял, что она стажерка. У отца в офисе только стажеры выглядят так, как будто их терзали в комнате пыток целую неделю. Да и то, что она меня не узнала (а меня знал весь офис), тоже говорило о том, что девчонка новенькая. И мне, как оказалось, пошло это на руку. Я сделал все как и хотел.

Обидел ее. Уязвил самолюбие. Поступил так же, как и отец со мной.

Вспоминая все это, я чувствую приступ острого любопытства: насколько сильно она на меня злится? И вообще злится ли? Может, и вовсе обо мне не думает? Хотя вспоминаю ее взгляд и понимаю, что помнить она меня будет еще долго. В отличие от меня.

Поворачиваюсь на живот, дотягиваюсь до телефона, который лежит на тумбочке. Набираю номер. Вызов принимают после первого же гудка. И слышу из динамика ласковое:

– Мур, котик. Соскучился?

– Давай встретимся, – я не спрашиваю, утверждаю.

– Максик, я немного занята, – щебечет виновато.

И я, не объясняясь, тут же отключаюсь.

Раз... Два... Три...

Телефон вибрирует от входящего вызова. Улыбаюсь уголками губ. На экране высвечивается «Зависимая».

– Чего тебе? – отвечаю грубо.

Алина тут же рассыпается в объяснениях, которые мне нах не сдались, будто и не замечая моего тона.

– И?! – перебиваю девушку на полуслове.

– Я через десять минут за тобой заеду, – заискивающе предлагает. – Дождешься?

– Жду ровно десять минут. Время пошло, – отключаю вызов, откладывая телефон.

Алинка. Зависимая от меня. Я это знаю и нещадно пользуюсь ею. Знаю, подло, но удержаться трудно. Девчонки – они такие слабые, когда любят. И Алина такая же. Что бы ни сказал, что бы ни попросил, все сделает. И она меня бесит этим. Она вбила себе в голову, что я – ее все, и поделаться с этим ничего не можем. Даже отец смирился с тем, что девушка в будущем станет его невесткой. Хотя я в этом не уверен. Зачем мне нужна та, у которой нет своего мнения? Которая готова на все ради того, чтобы быть со мной?

И опять в голове появляется она, девчонка из лифта. А она бы смогла в меня так же влюбиться, как Алинка? Хотя... зачем мне это?!

Поджимаю губы.

Глава 11

– Дочка, будь осторожна, – напутствует меня папа, я обнимаю его в ответ, крепко целую в щеку.

– Обязательно, папуль. Я сделаю все для этого, – клятвенно обещаю. – Буду звонить тебе каждый день.

Папа крепко прижимает меня к себе, а у меня слезы на глаза наворачиваются. Но я их сглатываю. Не хватало еще мокроту разводить перед папой.

Я выхожу из его комнаты, напоследок дарю воздушный поцелуй. Папа ловит его ладонью, прижимает к сердцу. Шепчет одними губами «люблю», я отвечаю тем же и закрываю дверь.

Дашка ждет в коридоре.

– Ты уверена, что нужно ехать? – стоит, опершись плечом о стену, смотрит подозрительно.

– Это моя работа, Дашуль, – улыбаюсь ей. – Ты за меня не переживай. Главное, за папой приглядывай. Не бросай его.

Достаю пухлый конверт. Отдаю ей.

– Здесь вам должно хватить на все. Побалуй и себя, и папу. Не обижай его.

– Хватит уже! – с раздражением цокает языком. – Чего ноешь?

Забирает конверт, сует под мышку.

– Прости, Даш, я нервничаю. Просто представляю, как те-

бе без меня тяжело будет, – оправдываюсь.

– Если не хочешь уезжать, то как раз самое время потянуть резину, – она демонстративно показывает на часы, и я в ужасе начинаю лихорадочно собираться.

– Все. Все. Даша, если что – звони. Я всегда на связи, – торопливо говорю и выбегаю с чемоданом наперевес в подъезд.

Жму кнопку лифта.

– Я как прилечу, позвоню, – обещаю сестре, которая стоит в дверях.

– Молнию на брюках застегни, – кивает на ширинку.

– Что? – я машинально тянусь к месту, куда указала Дашка. Черт! Ширинка и правда расстегнута. Меня бросает в жар. Вот растяпа! Хорошо, что это заметила Даша.

– Спасибо, – киваю ей и захожу в кабинку.

Двери лифта закрываются. Кабина дергается и медленно ползет вниз.

Я сильно волнуюсь. В памяти то и дело всплывает образ парня. И я до сих пор не могу себе представить нашу встречу, а уж про то, что нам предстоит провести около недели вместе... Ух! У меня на затылке волосы шевелятся.

Выхожу из подъезда, и – слава Богу! – такси уже на месте.

Водитель помогает погрузить чемодан в багажник, и я, усевшись на заднее сиденье, бросаю напоследок прощальный взгляд на окна нашей квартиры, вижу там Дашку. Она, скупно улыбаясь, машет мне рукой. На глаза наворачиваются

слезы. Здесь остается моя семья, и от этого не хочется уезжать, но и отказать Степану Геннадьевичу я не имею права: работа есть работа.

Такси трогается, и уже через несколько секунд Дашка пропадает из виду. Я откидываюсь на спинку сиденья. Достāju телефон. Среди непрочитанных в приложении WhatsApp вижу сообщение от босса. Открываю. В нем сказано, что на входе в аэропорт меня встретят. В ответ пишу короткое «спасибо». И, отложив телефон, достāju конспекты с китайскими иероглифами.

Я не хочу думать о том, что сделал Максим. Хотя прекрасно понимаю, что его поведение не поддается никакой логике.

Но в данный момент моя голова забита лишь учебой, в которой я вижу выход из всех своих проблем.

Такси останавливается возле входа.

Я нервничаю. То смотрю на часы, то ищó глазами того, кто должен меня встретить.

– Майя?

Я подпрыгиваю на месте, так как прямо за моей спиной раздается голос босса.

– Ой! Простите, Степан Геннадьевич, я вас не ожидала увидеть, – хватаюсь за сердце, прерывисто дышу.

– Я так и понял. Пойдем, – босс подхватывает меня под локоть и ведет вглубь аэропорта.

Я растерянно бросаю короткий взгляд себе за спину: вол-

нуюсь за багаж.

– Все хорошо, – успокаивающе улыбнувшись, говорит босс.

Оборачиваюсь и вижу, как мужчина в черном костюме следует за нами, катя мой чемодан за собой.

– Степан Геннадьевич, я и сама могу, – говорю, запыхавшись, еле поспевая за боссом.

– Майя, дорогая, у нас и так времени мало осталось. Посадка вот-вот начнется, – недовольно замечает мужчина.

– А где ваш сын? – снова оглядываюсь по сторонам.

– Опаздывает, – вздыхает. – Как всегда.

Мы торопимся на посадку.

Когда мы уже доходим до администратора, проверяющего билеты, босс резко останавливается. Он смотрит на меня вопросительно. Хочет, видимо, сказать что-то важное и не может подобрать нужных слов. Но тут он открывает рот и...

– Прости за опоздание! – врывается в наше пространство обрывистый голос Максима. Хриплый, низкий, будто после долгого молчания, и...

Меня пронизывает его голос до мурашек во всем теле. Он – как оголённый электрический провод. Мне становится тяжело дышать. И мне это совсем не нравится.

– Да ладно тебе, мы же оба знаем, ты опоздал, потому что хотел.

У Максима от слов отца дергается желвак на скуле, но он молча поворачивается к администратору, протягивает ей

свой билет. И, что самое обидное, он не обращает на меня никакого внимания. Совсем.

Мне становится больно видеть его. Не от того, что я так близко к нему, не от того, что рядом с ним, а от того, какое он проявил безразличие.

Я резко отстраняюсь от босса. Встаю чуть вдалеке. Мне неприятно. Горько. И больно. По-настоящему больно.

– Максим! Ты как себя ведешь?

Опускаю глаза в пол, чтобы не видеть происходящего. Но это совсем не помогает, я все равно наблюдаю за отцом и сыном из-под полуопущенных ресниц.

– Что не так? – холодно спрашивает парень.

– Поздоровайся хотя бы для приличия с девушкой. Это Майя, она будет сопровождать тебя, – голос босса напряжен. И у меня неожиданно возникает к нему благодарность. Ведь он так очевидно переживает за мое душевное спокойствие и за всю эту ситуацию. Ему неприятно, что его сын ведет себя так бестактно с посторонним человеком. Вот только босс не знает того, что мы с Максимом знакомы друг с другом... И даже немного больше.

– Я тебе уже говорил, что мне нянька не нужна, – скупое отвечает парень, не глядя в мою сторону. – Если тебе будет спокойнее, что она со мной полетит, пусть будет так, но не требуй, чтобы я с ней любезничал. Оно мне не надо.

Так и не обернувшись, проходит вперед, к трапу, оставляя меня и отца стоять и наблюдать за его удаляющейся спиной.

– Вот поганец! – рычит Степан Геннадьевич. – Зря я тебя послушал, Майя. Мой сын вырос неблагодарным и вздорным пацаном, за которого мне стыдно. Надо было оставить его здесь, в столице, под боком.

Я сглатываю застрявшую в горле обиду.

«Да! Правильно! – вопит она во мне. – Скажи, чтобы он так и сделал! Ты же знаешь, что он любую твою прихоть исполнит!»

Но я тут же себя обрываю. Кто я для Максима? И кто он для меня? Так, нечаянно встретившийся в лифте парень, который на четыре года младше меня. Он мне ничего не сделал плохого, как и я ему.

Во мне слишком развито чувство справедливости. И если я поступлю сейчас как обиженный ребенок, то потом себе этого никогда не прощу.

– Мне кажется, он сильно волнуется, Степан Геннадьевич, – натянуто улыбаясь, говорю мужчине. – Все обойдется.

Босс смотрит на меня с обожанием, совсем не скрывая его во взгляде. Потом неожиданно берет мою руку в свою и целует прямо в сердцевинку ладони. Меня вмиг опалает жар. И он не только от того, что мужчина коснулся сухими горячими губами моей кожи, но и от того, что в этот самый миг Максим повернулся и увидел всю эту картину. Его лицо в тот же миг исказила гримаса отвращения.

– Ты необыкновенная, девочка моя, – шепчет босс, отпуская меня.

Я стораю от стыда.

– Зачем вы так, Степан Геннадьевич?! – растерянно вытираю ладонь о штанину.

Мужчина секунду смотрит на меня, а потом неожиданно громко начинает смеяться.

– Проходим на посадку, – слышу голос администратора, которая странно посматривает на нас.

– Все, беги, куколка. Обещай звонить мне, если вдруг что пойдет не так, – напутствует мужчина, а я кидаю на него строгий взгляд, отвечаю скупю:

– Степан Геннадьевич, не перегибайте палку.

Подхватываю сумку с пола и широким шагом иду за Максимумом.

Глава 12

В салоне самолета суетятся пассажиры, рассаживаясь по своим местам. Им помогают стюардессы. Я устремляюсь в конец салона и быстро нахожу свое место – оно должно быть рядом с окном – но... оно занято.

Максим сидит, отвернувшись к окну, и по его сдвинутым к переносице бровям и напряженным скулам можно сделать вывод: парень очень зол. У меня холодеют конечности. И стыд клокочет в груди. Мне на самом деле очень жаль и немного не по себе от того, что парню пришлось наблюдать ту картину с его отцом, но все, что произошло – то произошло, и ничего не вернуть.

«Ладно. Ладно, – успокаиваю себя, – не буду его трогать. Перебесится и все».

Занимаю свободное место. Сажусь, достаю телефон, наушники, пытаюсь найти свою любимую музыку, чтобы отвлечься.

– Что это только что было? – парень хватает меня за плечо, дергает на себя.

От неожиданности я вздрагиваю, роняю телефон, и наушники падают вместе с гаджетом на пол. Зажмуриваюсь от испуга.

– Ты чего себе позволяешь? – испуганно спрашиваю, голос предательски дрожит.

Парень хмурится и медленно разжимает руки. Мы привлекаем внимание. Он отпускает меня, и я вжимаюсь спиной в кресло. Из-за того, что на нас оборачиваются люди, становится жутко некомфортно. Я кошусь на Максима, а он еще сильнее хмурится.

– У вас всё в порядке? – вдруг рядом со мной останавливается парень в форме, на вид ему лет двадцать пять. У него кудрявые волосы и карие глаза. – Возможно, вам требуется помощь? – стюард косится в сторону Максима.

Я мгновенно потею, и даже появляется одышка.

– Что? – нервно посмеиваясь, переспрашиваю. – Помощь? Нет-нет, у нас все в порядке, – отмахиваюсь.

– Вы уверены? – настаивает стюард, не сводя с моего лица вопросительного взгляда.

– Слушай, ну хватит уже дуться, – внезапно на мое плечо ложится рука Макса, а я в недоумении перевожу на него взгляд. Парень с силой снова притягивает меня к себе, сверлит взглядом... – Давай пересаживайся, и закончим это, – произносит он, все-таки убрав руку.

И тут я наконец понимаю, что он делает, и облегченно выдыхаю.

– Спасибо, – натянуто улыбаюсь, – Максим.

У парня дергается уголок рта в кривой ухмылке.

– Извини, чувак, не поделили место с сеструхой, – улыбается он, а его улыбка заставляет мое сердце биться как сумасшедшее. Я чувствую, как кровь быстрее бежит по венам,

ударяясь в виски дикой пульсацией.

– Да? – облегченно выдыхает стюард. – Ну, бывает. Тогда не буду вас беспокоить. Приятного полета, – фальшиво улыбается парень, подмигивает мне, понимающе вздыхает и уходит.

Как только мы остаемся с Максом наедине, он поднимается со своего места и неожиданно нависает надо мной, наклоняется так близко, что я чувствую его дыхание на губах.

– Забавный чувак, правда? Понравился?

Меня окатывает жаром. Я хлопаю ресницами, смотрю Максу в глаза, часто дышу. Жду продолжения.

– Интересно, а он так же на тебя смотрел бы, если бы узнал, что ты трахаешься со взрослыми мужиками?

У меня от его слов воздух будто выбивают из легких.

– Ты совсем дурак? – оттолкнув от себя Макса, перевожу взгляд на парня-стюарда. Может, все-таки, пока не поздно, стоит попросить пересадить меня на другое место?

– Даже не думай об этом, – цедит Максим, проследив за моим взглядом. – Будешь сидеть на своем месте.

За моей спиной раздается смех. Мне становится крайне не по себе. Неужели кто-то расслышал то, что сейчас сказал этот придурок?

– Уйди уже, – пытаюсь встать, но парень, ничего не ответив мне, лишь крепко прижимает к себе, и в ответ на его действие я чувствую, как по моей щеке катится слеза. Я тут же вскидываю руку, чтобы смахнуть ее, но Макс перехваты-

вает мое запястье, удерживает, наблюдает за реакцией.

– Отпусти! – дергаю бедрами и тут же слышу недовольный выдох.

Не хочу, не хочу быть здесь! Вот так!

И я сама не понимаю, что происходит, когда хватаю парня за руку и с силой отталкиваю от себя. Макс не сопротивляется, просто смотрит на меня и молчит, а я все так же пытаюсь подняться. В его глазах читается любопытство. Я чувствую, что он хочет чего-то, но точно не знает, чего именно.

Я закусываю губу. Молчу. Мне кажется, если я начну говорить, то не смогу больше сдерживать эмоции.

– Да что же это такое...

Не успеваю договорить, потому что сзади слышу резкий голос:

– Парень, да усаживайся ты уже наконец-то!

Я поворачиваю голову и вижу, что за нами расположилась пожилая парочка, которая до этого момента, к счастью, не проявляла к нам интереса. Да и сейчас мужчина смотрит не на меня, а только на Максима, которого подобное внимание никак не смущает. Я пользуюсь моментом, чувствуя, что хватка парня ослабевает, и, выкручиваясь из его рук, быстро пересаживаюсь на свое место возле окна.

– Придурок, – бубню себе под нос.

– Я все слышу, – усаживаясь в свое кресло, рычит парень. – И не расслабляйся, мы еще не закончили.

Кошусь в его сторону украдкой. Чертов мудака! Бесит.

Но какой же он все-таки привлекательный!.. Длинные ресницы красиво загибаются кверху. Озорные ямочки на щеках и пухлые губы. Невероятный. И должен быть с такой внешностью очень милым, но...

Максим резко очень близко склоняется к моему уху, опалая жаром:

– Я не имею никаких дел с бабенками отца. Даже если они такие, как ты.

Сказать, что я возмущена, – это не сказать ничего. Мне кажется, открой я рот, оттуда точно выплеснется желчь. И единственное, самое разумное, что я могу сделать, – это поджать губы, стиснуть кулаки и повернуться к Максиму спиной.

Самолет приходит в движение. Через пару минут он уже отрывается от земли. Это самое тяжелое испытание, которое мне довелось пережить за последние дни. Я давно не летала.

Самолет набирает высоту, и меня начинает трясти.

Но чем выше поднимается лайнер, тем легче становится, дрожь исчезает, и мне удается заснуть.

Просыпаюсь я внезапно. Максим, сидящий рядом, коротко глядит на меня с сочувствием.

– Что? – спрашиваю его, а он тут же отворачивается, делая вид, что вообще меня не замечает. Придурочный.

Я, поерзав, включаю музыку погромче, закрываю глаза. И за весь полет мы больше с Максимом не обмениваемся ни словом, ни взглядом.

Глава 13

Мы прибываем в аэропорт глубокой ночью. Чтобы наконец-то разойтись, отдохнуть друг от друга, нам остается только пройти паспортный контроль и найти гостиницу. Максим немного нервничает, но очень тщательно пытается скрыть свои чувства. А я, напротив, почему-то не чувствую тревоги. В сердце странное ощущение спокойствия, уверенности.

В аэропорту, благодаря мне, мы нигде не стоим в очередях, быстро проходим границу. Иногда ловлю на себе задумчивые взгляды Максима, но стоит мне повернуть голову в его сторону, он тут же отворачивается.

В итоге, через сорок минут мы выходим на улицу. Оказывается, Степан Геннадьевич уже побеспокоился за нас о гостинице, как и о водителе, который нас встречает возле аэропорта. Я, откинувшись на заднем сиденье, прикрываю глаза. Усталость в буквальном смысле валит меня с ног, но, вместе с тем, я чувствую внутри какую-то тихую радость, даже несмотря на то, что рядом со мной находится парень, который явно испытывает ко мне полный спектр негативных чувств. Ну и что? Мне с ним детей не крестить. Пусть думает что хочет, – это его дело, а мое... Мое – насладиться поездкой. Ведь в Нью-Йорке я впервые.

Я и сама не замечаю, как засыпаю, сидя в кресле. Просы-

паюсь уже возле гостиницы.

– Эй, ты долго еще будешь храпеть? – Максим грубо толкает меня в плечо.

– Господи, да что с тобой?! – округляю глаза, тру место, куда ткнул парень.

– Вставай. Приехали, – бросает он и громко хлопает дверцей.

Я озадаченно провожаю его фигуру, которая быстро исчезает за дверьми гостиницы.

– Вот засранец. Даже багаж не помог донести, – с досадой сжимаю губы и следом поворачиваюсь к водителю. – Спасибо, – с улыбкой благодарю мужчину, который вытащил мне чемодан, и плетусь к зданию.

Как и думала, Максим до сих пор стоит на ресепшене. Бес-толочь. Ведь не зря же его отец послал меня с ним. Языка местного он явно не знает...

– В смысле, мой номер занят? – произносит парень на чистом английском, а у меня от изумления вытягивается лицо.

– Извините, – лепечет администратор, глядя на Максима с сожалением, – но произошло недоразумение. Извините.

Я плююсь на парня с открытым ртом, не в силах осознать, что Степан Геннадьевич обманул меня.

Макс окидывает меня высокомерным взглядом. Вытаскивает телефон из кармана, набирает номер.

– Здравствуйте. Чем я могу вам помочь? – улыбается девушка, приветствуя меня на английском.

– Здравствуйте, – натянуто улыбаюсь в ответ.

– Мы вместе, – перебивает меня Максим.

– Ой, да. Извините, – кивает администратор.

– Алло, пап, – голос Максима звенит негодованием. Я на-
востряю ушки, хотя парень говорит так громко, что мертвого
может поднять. – Что за лажа? Мне сказала админ, что мой
номер занят! Ты точно нам с твоей секретаршей отдельные
номера заказывал?

Максим замолкает. Стискивает зубы. Внимательно слу-
шает отца, искоса поглядывая в мою сторону.

– Я не хочу, – цедит. – Пап! – возмущается и тут же кладет
трубку. – Ненавижу! – шипит и, обдав меня ледяным взгля-
дом, произносит: – Сегодня переночуем в твоём номере.

Я задыхаюсь от его слов. Меня пронимает дрожь, и тело
покрывается испариной.

– Нет, – выдыхаю.

– Поверь, мне самому это не в кайф, – произносит пре-
зрительно. – А может, у вас имеются свободные номера? –
обращается парень уже к администратору.

Та отрицательно качает головой.

– Извините. Сейчас сезон. На номерах бронь.

– Твою мать! – цыкает парень.

– Давай найдем другую гостиницу? Если тебе так против-
но спать со мной, – предлагаю, морщась.

– Спать с тобой я так и так не буду. Ты не в моем вкусе. Го-
ворил же, – надменно произносит, отчего я заливаюсь крас-

кой, понимая, что неправильно сформулировала предложение. – Вы уже закончили? – неожиданно резко переключает свое внимание Максим на администраторшу, которая наблюдает за нашей перепалкой.

– Что? – подпрыгнув от неожиданности, спрашивает та.

– Номер оформляете? Или как? – вздергивает бровь.

– Да. Да, конечно. Извините, – администратор утыкается в наши документы, что-то заполняет, активно стуча пальцами по клавиатуре.

Максим отходит в сторону, максимально увеличивая между нами расстояние. Мне становится некомфортно. Зачем он это делает?! Как будто специально выводит меня из себя. Хочет задеть. Вызвать эмоции.

– Готово, – шепчет администратор, и я, вздрагивая, отвожу от парня взгляд.

Девушка отдаёт нам паспорта, я только протягиваю руку, чтобы взять свой, но Максим меня опережает, забирает оба документа себе.

– Спасибо, – кивает и, резко развернувшись, направляется к лифту.

– Эй! Стой! Подожди меня! – вскидываясь, подхватываю чемодан, бегу вслед за ним. Если мы сейчас разминемся, то я даже в свой номер не смогу попасть. Вот урод!

Максим останавливается у лифта, а я, поскользнувшись на кафельной плитке и не успевая затормозить, лечу в него. Растопырываю руки в надежде найти в нем опору, и, когда

я с пыхтением уже касаюсь его одежды, он просто отходит в сторону. Мои подушечки чиркают по его ветровке, и я со всего маха шлепаюсь вниз, больно ударяясь коленями.

– Ай! Ай! – вскрикиваю.

Но в первые секунды я даже не понимаю, что у меня болит: ноги или самолюбие. Меня душит злость. Я поднимаю на парня глаза, полные ненависти.

– Чего расселась? Устала? Вставай давай, – командует так, как будто я ребенок-неудачник. – Господи! Какая же ты жалкая. Смотреть противно.

И, тут же подтверждая свои слова действиями, отворачивается.

В этот момент двери лифта открываются. Парень заходит внутрь, а я продолжаю сидеть на коленях. Слезы обиды застилают глаза.

– Долго еще будешь пол протирать задницей? – ерничает.

– Девушка, вам помочь?

Слышу позади себя родную речь, выраженную глубоким мужским голосом, и вижу нависающую надо мной тень.

Я даже толком не успеваю сообразить, что происходит, кому и что надо ответить, как неожиданно в меня, будто клещи, впиваются пальцы Максима, и он со всей дури дергает меня вверх и на себя. Я, не ожидая такой реакции, не успеваю взять контроль над своим обмякшим телом и с силой ударяюсь носом в его плечо.

– Ой! – мгновенно поднимаю руку к носу, тру его. – Ты

обалдел?!)

Поднимаю на него недоуменный взгляд, но Максим смотрит куда-то мне через плечо.

– Она со мной, – по-хозяйски притягивает меня за плечи к себе, сжимает их до боли.

– Тогда смотри за своей женщиной.

Я хочу глянуть на того, кто стоит за моей спиной, но Максим молниеносно перемещает руку мне на затылок, фиксирует, отчего получается, что я могу смотреть только ему в плечо.

– Разберемся как-нибудь, – отрезает парень.

Дальше – шуршание закрывающихся дверей и, как следствие, свобода.

Как только оказываюсь свободной, сразу же отскакиваю от парня в другой конец лифта. Оглядываюсь. Мы одни.

– Слушай, ТЫ! ТЫ что себе позволяешь? Хам! Мерзавец! Сопляк!

Мгновение. Одно. Максим оказывается невероятно быстрым. И вот уже я прижата спиной к перилам лифта. Парень склоняется надо мной так близко, что я чувствую его опаляющее дыхание. Он смотрит на меня. В глазах – жгучее желание. Я шумно сглатываю. Мне невыносимо жарко. Все горит. Я приоткрываю рот, чтобы облизать губы...

И Макс целует меня. Я не ожидала этого. Я думала... О чем?! Господи! Я как сумасшедшая, потерявшая контроль над собой, вцепляюсь в его волосы на затылке и целую в от-

вет. Это самый чувственный поцелуй в моей жизни. И самый быстрый (не считая того, который у нас с ним уже был).

Мы отрываемся друг от друга, когда лифт останавливается на четвертом этаже. Я чувствую себя так, будто бы только что взлетела. Не хочу думать, в чем причина...

Но тут же с размаху грохаюсь обратно на землю. В самом прямом смысле. Так как Максим отпустил меня, и мои колени, прогнувшись, не захотели держать тело.

– Черт! – шиплю, хватаясь за перила, подтягиваюсь.

– Господи! Какая же ты...

Макс помогает мне выйти из лифта.

– ... жалкая.

– А ты придурок, – бурчу под нос, за что тут же лишаюсь поддержки, но, слава Богу, мои ноги уже окрепли.

Макс смотрит на меня сверху вниз, и его глаза полны надменности.

– От тебя другого и ожидать нечего было. Знаешь, выражение есть у нас, у богатых, о таких, как ты: как быдло ни одень, нутро не изменится.

– Ах, ты! – замахиваюсь на него своей сумкой, но парень ловко отскакивает в сторону. – Сопляк недоделанный!

Бросаю чемодан и наступаю на Макса с целью побить. А в глазах парня неожиданно меняется настроение. Задор пропадает. Вспыхивает упрямство, несогласие. Он резко останавливается. И получается так, что мне хватает всего двух широких шагов, чтобы нагнать его, но сумкой ударить у ме-

ня, конечно, не получается. Парень ее выхватывает и ловит меня за талию. Крепко прижимает к себе. Опускает руку вниз и сжимает мою попу. Я тут же выгибаюсь, чтобы вырваться, но получается обратный эффект: я прижимаюсь к нему плотнее и чувствую осязаемое уплотнение в районе ширинки. Мои глаза округляются, а лицо вспыхивает от смущения.

– Еще раз назовешь меня сопляком, – склоняется к моему лицу Макс, – и я тебе обещаю, пожалеешь об этом.

Я сглатываю смущение.

– Не смей мне угрожать, – дрожащим голосом отвечаю. – Я могу все рассказать твоему отцу.

– Дерзай. Стукачка, – парень меня так быстро отпускает и отступает, что я теряюсь. У меня все бурлит внутри от негодования, от эмоций. Лицо горит от переизбытка чувств. А Максиму хоть бы хны. У него такой отстраненный вид и тон, словно бы между нами ничего не было. Будто это только я возбуждена и доведена до точки кипения, а ему хоть трава в поле не расти. Все равно.

– Собери свои вещи, растяпа. Я устал и спать хочу. Ключ у нас один. Ждать я тебя не буду, – будничным тоном говорит парень и, подхватив свою сумку, направляется по коридору.

– Мудак, – бубню под нос. – Молокосос.

– Я все слышу, – долетает до меня, и меня кондратий хватает.

– Господи, и зачем я только согласилась ехать? – закаты-

ваю глаза, собираю свои вещи и плетусь за Максимом.

Через несколько минут нагоняю его. Он стоит возле открытой двери, привалившись плечом к стене.

– На гусыню похожа, которая несет золотые яйца.

– Пф, остроумия тебе не занимать, – фыркаю и уже заворачиваю в дверь номера, когда прямо передо мной рука Максима преграждает вход.

– Чего? – бросаю на парня недовольный взгляд.

– Забыл предупредить тебя, Майя: я сплю на кровати.

Глава 14

Быстро приняв душ и переодевшись, я выхожу из ванной и тут же натыкаюсь на сидящего на диванчике Максима. От неожиданности застываю с мокрым полотенцем, которым вытирала волосы, в руках.

Парень лишь на мгновение поднимает глаза и снова опускает. Перелистывает страницу журнала, который держит в руках.

– Копуша, – Макс откладывает глянец, резко поднимается и, толкнув меня плечом, скрывается за дверью.

– Вот же... уф-ф-ф-ф, – выдыхаю сквозь стиснутые зубы.

– Ты что, все полотенца забрала, что ли?

Вздрагиваю от неожиданности, когда Максим рывкает за спиной.

– Ты достал меня пугать! – разворачиваюсь, чтобы кинуть в парня мокрым полотенцем, и тут же оказываюсь в плену его рук. Прижатой к его груди.

– Что. Ты. Делаешь? – шепчу растерянно, поднимаю на него глаза, и сердце начинает хаотично биться в груди, когда вижу его взгляд: подёрнутый пеленой возбуждения, полный решимости, с лихорадочными, но в то же время страстными искорками. Меня притягивают, словно магнитом, пленяют его глаза.

Мой взгляд медленно сползает на его губы. Его улыбка

полна обещаний, а мне становится страшно. Макс что-то шепчет, но я не могу разобрать его слов. Он поднимает мое лицо за подбородок, и я тону в лавине желания, которое опалывает мое тело, мою кожу, душу.

Руки парня на моем теле сводят с ума. Его губы на моих губах. Я чувствую, как что-то рвется в груди, я не хочу знать, что это. Я хочу его, очень сильно хочу, сильнее, чем кажется. Это невозможно. Ему же только восемнадцать!

– Хочу тебя, – с придыханием говорит Максим, почти касаясь моих губ своими, и тянет за край полотенца, в которое я завернута.

Оно падает мне под ноги, оставляя совершенно голой перед ним.

Максим смотрит на меня голодным взглядом, в его глазах горит такой огонь, что просто не поддается описанию. Мое тело откликается мгновенно. Я делаю шаг к нему первой. Обнимаю его за шею и чувствую, как его руки зарываются в мои волосы. Разум вопит: **ОСТАНОВИСЬ!**

Но... уже поздно. Я не контролирую ни свои эмоции, ни свое тело, а мозг отключается полностью в тот момент, когда инстинкты вырываются из-под контроля.

Мои руки лихорадочно скользят по телу парня в попытке помочь ему быстрее избавиться от одежды.

– Господи! – срывается с моих губ, когда Макс подхватывает меня под бедра и с легкостью отрывает от пола.

Я обнимаю его за шею, обвиваю ногами. Чувствую силу

его рук на своей талии. Макс несет меня в спальню, кладет на кровать, придавливая сверху тяжестью своего тела.

Задышаюсь им. Хочу его до жути, безумно. Хочу в нем утонуть. Не могу им надышаться. Это все не поддается разуму. Мои эмоции запредельные, несвойственные мне. И это жутко нервирует. Потому что я потеряла контроль над собой и ситуацией.

Макс нависает надо мной, упираясь руками в кровать по обеим сторонам от меня. Его лицо находится в нескольких сантиметрах от моего. Он смотрит мне прямо в глаза, отчего по телу пробегают мурашки.

– Я же обещал, что ты пожалеешь о том, что назвала меня сопляком, – ухмыляется парень, а я из-за тумана в голове не сразу понимаю, о чем он...

Но в следующий миг мои мысли разлетаются в стороны, как снежинки, когда Максим толкается в меня, заполняя полностью собой и... болью. Она пронзает тело, заполняя низ живота раскаленным свинцом. Затягивает в воронку, словно в вакуум.

– Черт! – слышу возле уха растерянный голос парня. – Ты что, девственница?

Глаза зажмуриваю сильно-сильно, чтобы не расплакаться. И все еще продолжаю сжимать его шею. Он еще находится во мне. Большой. Твердый. Причиняющий боль.

Она отрезвляет мозг, и осознание слов Максима медленно доходит до разума. Обида заполняет сердце мгновенно. Я

поняла, что он все это сделал специально! Назло!

– Пусти, – Максим грубо сдергивает мои руки со своей шеи.

Я тут же его отпускаю, и он, покидая мое тело, отталкивается от кровати, встает. А потом, даже не взглянув на меня, уходит, забирая мою душу с собой. Скомканную, измятую, словно ненужный испачканный лист бумаги.

– Господи! – зарываюсь лицом в ладони. – Что же я наде- лала? Что?

Закутываюсь в лежащее на кровати покрывало с головой. Сжимаюсь в нем в комок. Такой униженной и оскорбленной я себя никогда не чувствовала. Совсем не так я планировала свой первый раз... Хотя, чего себе врать, я вообще его не планировала, но никак не ожидала того, что он принесет мне столько боли и разочарования. По щекам текут слезы бессил- лия.

Громкий звук захлопнувшейся входной двери заставляет меня вздрогнуть. Слезы высыхают вмиг. Выглядываю из-под одеяла. Максим ушел?! Но куда?

Тревога заставляет сердце забиться быстрее. Встаю с кро- вати. Подбираю полотенце с пола, заматываюсь в него обрат- но и спешно подхожу к окну, выглядываю. Как хорошо, что окна выходят на вход в гостиницу. Максим появляется че- рез несколько минут. Накинув капюшон на голову, парень направляется вдоль улицы. И уже через пятнадцать секунд исчезает из виду.

Блин! Если с ним что-то случится... меня Степан Геннадьевич убьет... Стоп. А если он вдруг узнает, что его сын был первым мужчиной в моей жизни, что он сделает тогда?

От этих мыслей меня кидает в жар, и даже тошнота к горлу подкатывает. Блин... Блин... Блин! Босс ничего не должен узнать.

Я направляюсь в ванную, чтобы смыть с себя запах Максима. Я не должна себе больше позволять думать о нем как о мужчине моей мечты. Он для меня должен быть как... я на мгновение задумалась... как младший брат. Да. Тогда... тогда я больше не допущу ошибок.

Душ освежает не только голову, но и немного приводит в порядок душевное состояние. Одевшись в пижаму, я прибираюсь в спальне, уничтожая все следы нашей с Максимом близости.

Открываю окна, чтобы выветрить запах секса, и ложусь на тот самый диванчик, который стоял в коридоре. Конечно, он не совсем соответствует моему размеру, но ничего, одну ночь перетерпеть можно. Зато так правильно, так верно.

С такими мыслями я погружаюсь в сон. Сладкий сон. Мне снится Максим.

Вдруг я просыпаюсь от того, что меня кто-то будит, коснувшись губ нежным мимолетным дыханием.

Дыхание замирает в груди. Сердце останавливается. Я распахиваю глаза.

– Максим?! – говорю на выдохе.

– А ты хотела увидеть кого-то другого? – он вскидывает бровь и поднимает уголок губ, отчего на щеке появляется милая ямочка.

У меня тут же сердце пускается в галоп. Ну почему он такой красивый?! Почему?

– Что ты делаешь? – смущаюсь, так как мне становится неуютно под его пристальным взглядом на чересчур близком расстоянии.

– Бужу тебя, – продолжает веселиться парень. Ага, занимает такую позицию, что мне сложно понять его и определиться, как вести себя.

– Спасибо, я проснулась, – бубню недовольно, – дай встать.

Толкаю коленкой плечо парня, сидящего на корточках возле дивана. Макс чуть сдвигается в сторону, позволяя мне опустить только одну ногу на пол. И вдруг, словно из воздуха, перед моим носом появляются цветы. Большой. Букет. Роз. Он так стремительно и так внезапно оказывается передо мной, что я в полном шоке и изумлении застываю на месте.

– Нравятся? – скупно спрашивает Максим.

А я перевожу на него взгляд, всматриваясь в его прекрасные карие глаза, в которых сейчас ничего не отражается. Они просто пустые. Как будто я смотрю на статую. Сердце дергается в конвульсивном приступе.

– Зачем? – спрашиваю шепотом.

– Хочу попросить прощения за... – он замолкает. – ...За то, что повел себя как кретин.

Парень резко бросает букет к моим ногам, нетерпеливо вскакивает с места. Отходит к стене, облакачивается на нее спиной. Смотрит на меня.

– Я просто не ожидал, что ты...

– Замолчи! – вскакиваю с дивана и тут же падаю назад, потому что неожиданная резкая боль сковывает промежность. – Черт! – шиплю. Хватаюсь за низ живота.

– Майя, что с тобой? – Максим подскакивает и тянет ко мне руки, но я тут же выставляю вперед свою, останавливая его.

– Нет! Не трогай! Стой на месте, – говорю сквозь зубы. – Сейчас все пройдет.

– Тебе точно не нужна помощь? – с тревогой спрашивает Максим.

– Точно, – киваю.

Вторую попытку подняться предпринимаю через несколько минут, и она проходит не так болезненно.

– Нам нужно поговорить, – захожу в спальню, где Максим лежит на кровати и пялится в телефон. Но, когда слышит меня, тут же его откладывает в сторону, а я невольно замечаю у него на экране девушек в откровенных купальниках.

– Давай. Я тоже хочу поговорить, – парень стучит ладонью по кровати возле себя.

Я в недоумении хлопаю глазами, не верю в то, что вижу.

– Кхе. Максим, ты меня извини, – прохожу мимо, направляясь к столику, чтобы поставить букет. – Но ты все неправильно понимаешь.

Я повернута к парню спиной, потому что смотреть ему в глаза и говорить то, что задумала, выше моих сил.

– Ты уверена? – его жаркое дыхание опалает мое ухо.

И в следующую секунду он обнимает меня за талию, притягивая к себе.

– Максим, – то ли возмущаюсь, то ли прошу. Мой голос совсем чужой.

– Я хочу все исправить, – хрипло говорит парень, отчего мою кожу покрывают взбудораженные мурашки.

Максим поворачивает меня к себе лицом и целует в губы, лаская их языком. Втягивая. Посасывая.

Мой разум отключается напрочь. Я перестаю думать о том, что происходит сейчас, а мне и не нужно больше.

Закидываю руки на шею парню и отвечаю на его поцелуй со всей страстью, что у меня есть. Я не могу приказать своим чувствам остыть. Они мне в данный момент неподвластны. И сейчас я и тело до зуда в костях жаждут объятий. Его поцелуев. Его всего. Я хочу этого парня так же, как и вчера. До умопомрачения...

– Я хочу тебя, – выдыхаю я. В тот момент, когда Максим отрывается от моих губ, обвиваю его шею руками, прижимаюсь к нему ещё ближе, остро чувствуя все неровности его тела. Макс смотрит на меня с каким-то диким вождением;

мне одновременно и радостно, и страшно от того, что я не знаю, куда нас все это заведет.

– Я сделаю так, что эти семь дней ты никогда не забудешь, – рычит мне в губы парень и накидывается на них как дикий зверь.

.....

И да, Максим выполнил свое обещание. Я влюбилась в него окончательно и бесповоротно на второй день нашего пребывания в Нью-Йорке.

И эти семь дней я вряд ли когда-либо забуду, как, собственно, и самого Максима. Ведь он стал моим воздухом. Моей Вселенной.

Покорив мое сердце, забрал его себе, не спрашивая.

– Эй, сладкая! Пойдем. Чего ты застыла? – Максим хватается меня за руку и дергает с места.

Монетка с загаданным желанием выскользывает из пальцев и, стукнувшись о бортик, падает в фонтан. Растягиваю губы в улыбке.

– Макс! Прекрати. На нас люди смотрят, – деланно возмущаясь, но губы для поцелуя все равно подставляю, когда парень обнимает меня за шею, прижимает к себе и целует в засос.

– Плевать на людей. Я где хочу, там и буду обнимать тебя и целовать. Теперь ты моя, – улыбается.

Я обнимаю его за талию, прижимаясь теснее.

– Хм, ну что сказать? Такой себе аргумент. А меня ты

спросил? – вздергиваю бровь.

– Зачем? – парень склоняется к моему уху и, сцепив зубы на моей мочке, всасывает ее. У меня с губ срывается стон. Закатываю глаза. Тело пронзает волной желания, и оно, скручиваясь в тугий комочек, опускается вниз живота, пульсирует. – Я теперь знаю все о тебе, сладкая. Мне аргументы не нужны. Достаточно того, что ты любишь меня.

– Засранец. Так нечестно! – обиженно закусываю нижнюю губу.

– Сама же сказала, – невинно хлопает ресницами Максим. – Хочешь, я тоже тебе скажу?

Я поднимаю на него взгляд.

– Нет, если это только не будет правдой, – отвечаю твердо, а у самой сердце в груди замирает.

– Я люблю тебя, сладкая.

И снова этот умопомрачительный поцелуй, которым он подкрепляет свои признания.

Пульсирующий комок внизу живота взрывается и выпускает наружу сотни бабочек. Они порхают у меня в животе, щекочут все внутри. Я даже чувствую их в горле и жмусь к Максиму. Я чувствую себя частью космоса, Вселенной, которой нет конца. Он любит меня! Любит.

Мое сердце колотится быстро-быстро, так что, кажется, сейчас сорвется с места. И совсем не хочет думать о том, что будет с нами дальше. Думать о том, что нас ждет. Максим прерывает поцелуй, смотрит мне в глаза пристально.

– И даже не надейся, что сможешь отделаться от меня просто. Не отпущу, – серьезно обещает пареньь.

– Эй! – толкаю его попой в бок. – Ты переигрываешь. Давай лучше пойдём поедим мороженку, а то что-то в горле пересохло.

Максим смотрит на меня еще пару секунд, а потом, улыбнувшись, чмокает в нос и, взяв за руку, тащит в Мак.

Глава 15

Если когда-то я думала о том, что не выдержу и нескольких дней вдали от дома и буду постоянно названивать Дашке, волнуясь о папе, то сейчас, спустя неделю, понимаю, что я плохая дочь, сестра, да, как оказалось, и работница из меня никудышная. И зарплату по факту мне получать не за что: Максим сам прекрасно справляется со всем, и я ему совсем не нужна. Ну, возможно, только в качестве влюбленной до беспамятства дурочки, которая в рот ему заглядывает и ни на шаг не отпускает от себя.

Думая об этом, под ложечкой начинает неприятно посаживать. Сегодня мы улетаем, и что нас ждет впереди – неизвестно.

Как я и думала, Степан Геннадьевич недооценивает Максима. Или не хочет замечать, что его сын невероятно талантлив, а вообще, по моим наблюдениям, у них очень натянутые отношения. Максим не спешит делиться своими достижениями, а Степан Геннадьевич не замечает того, что в его сыне скрыт огромный потенциал.

– Эй, сладкая, ты чего замерла? – Максим обнимает меня сзади за талию, сжимает в кольце рук. – О чем думаешь?

Дует мне у уха, вызывая табун мурашек на коже.

– Не знаю, – лукавлю, переплетаю наши пальцы, но Максим тут же спускает их вниз по бедрам и, сжимая ткань юб-

ки, тянет ее вверх.

Моё сердце начинает колотиться о ребра с каждой секундой быстрее, набирая скорость.

– Макс, самолет... – тихий стон срывается с моих губ, когда парень толкает меня вперед, заставляя упереться ладонями в спинку кресла.

– Не могу с собой справиться, – сжимает мой хвост в своих пальцах, тянет назад, заставляя выгнуться, открыться.

– Максим... – срывается с губ, и я, задохнувшись от нахлынувших эмоций, уже не могу дышать.

Кожей чувствую, как Макс подстраивается под мое дыхание; со временем начинает дышать за нас обоих, за двоих. Слышу шуршание одежды позади себя. Короткое чертыхание. И следом чувствую горячую твердую плоть, упирающуюся в меня.

Макс входит в меня резко и сразу глубоко. С каждым движением он проникает в меня глубже, приближая нас к финалу, будто в фильме, который мы смотрим на одном дыхании. Шлепки разгоряченной кожи друг о друга становятся сильнее, громче. Я закусываю до боли губу, чтобы не закричать; чувствую, что до разрядки мне, как и Макс, остается совсем чуть-чуть, когда парень сжимает на моем горле пальцы, придавливает слегка, рычит в ухо:

– Не сдерживай себя – нарушай тишину, кричи. И я слышу, как бьётся твоё сердце. Я чувствую тебя так сильно, что начинаю сходиться с ума. Ты в моей голове постоянно. А я в

твоей?

Это вопрос, понимаю, что вопрос, открываю рот, чтобы ответить, но с губ срывается стон.

– Когда я с тобой, я становлюсь другим человеком. И меня мало что волнует. И мало кто волнует. Я хочу, чтобы ты знала: мне плевать, что скажет или подумает отец. Слышишь?! Ты моя! – он отпускает мою шею, хватает бедра двумя руками и врывается в меня со всей мощью, у меня звезды из глаз сыплются.

Я думала, это конец, но Макс делает еще один резкий рывок вперед, и...

Я никогда не могла представить, что можно дойти до финала дважды в один миг.

Я уже почти не слышу своего имени, которое он повторяет, только чувствую, как он двигается внутри меня, а от его голоса с каждым движением становится все легче.

Мне кажется, что все вокруг замирает, все звуки превращаются в неразборчивое бормотание. Это чудесно.

Когда он наконец выходит из меня, я откидываюсь на кресле и еще несколько минут сижу неподвижно в тишине и спокойствии. Макс принимается покрывать поцелуями мою шею, нежно прикусывая кожу, пока не доходит до мочки уха.

– А теперь пора, крош. Иначе нам придется задержаться здесь еще на неопределенный срок. Отец не поймет.

Парень отстраняется, и я чувствую пустоту, которой тут же заполняется то пространство, где он только что стоял.

Смотрю на закрытую дверь в ванную комнату и с ужасом думаю о том, что будет, если вдруг Степан Геннадьевич узнает о нас. Только сейчас приходит осознание того, что я отказала боссу и стала встречаться с его сыном. Меня будто из ведра водой холодной окатило.

Я вдруг четко увидела шефа, который с перекошенным от злобы лицом смотрит на меня, подписывает размашистым почерком заявление об увольнении.

Вскакиваю с кресла. Поправляю одежду. Боже мой!

Оглядываюсь по сторонам, как будто оказалась в этом номере впервые. Что же я натворила? Степан Геннадьевич мне этого не простит. А если я лишусь этой работы, то, значит, автоматически пострадаю не только я, но и отец!

Я слишком многое поставила на кон, не задумываясь о последствиях. Бросилась в пучину страсти с головой, совершенно не заботясь о том, что будет дальше.

Мысли с ума сходят и путаются в голове, пока я пытаюсь придумать, как же мне поступить правильно.

Мне хочется кричать от боли. Мне хочется плакать от обиды, так как правильным будет только один выход: сказать Максиму «НЕТ».

Глава 16

Всю дорогу до аэропорта я стараюсь быть к Максиму максимально близко. Потому что предчувствие или шестое чувство, не знаю, что это... но оно мне подсказывает, что как только мы вернемся, все изменится.

– Сладкая, почему так дрожишь? Тебе холодно? – парень нежно обнимает меня за плечи, притягивает к себе.

– Немного волнительно, – растягиваю губы в улыбке. Я не хочу показывать ему, что я переживаю и мне страшно от того, что нас ждет.

Только сейчас понимаю, что совершила непоправимое, когда не рассказала Максиму, что Степан Геннадьевич предлагал мне быть его любовницей, а теперь...

Поднимаю глаза на парня, он вдруг опускает свои, и наши взгляды встречаются.

– Что? – целует меня в нос.

... а теперь у меня язык не повернется сказать ему правду.

– Ничего, – бубню под нос, зарываюсь лицом ему в плечо, не хочу, чтобы Максим видел мои переживания.

В аэропорту мы узнаем, что наш рейс задерживается.

– Можно было бы и не спешить, – играет бровями парень. Понимая, на что он намекает, я чувствую, как щеки заливаются краской.

– Да, верно, – шепчу я.

Мы сидим на подоконнике, обнявшись, и я чувствую дыхание Максима на своей шее.

– В конце концов, а что нам мешает продолжить? – парень соскальзывает с подоконника и тянет меня за собой.

– А тебе не кажется, что это немного странно? – задыхаюсь от смущения.

Но Макс у нас все плевать, он тянет меня за собой, не обращая на мое сопротивление никакого внимания.

– Это странно звучит из твоего рта, – усмехается он. – Почему-то до этого тебя это не смущало.

– Максим, ты же знаешь, что я о другом, – я больше не сопротивляюсь его натиску. И его уже не отговорить от того, что он задумал.

– О чем тогда? – Максим подталкивает меня в лифт, и там, как назло, нет ни одного человека.

– Что ты задумал? – растерянно хлопаю глазами.

– Сейчас увидишь.

Двери лифта закрываются.

Стоит только кабинке начать движение, Макс нажимает на панели какую-то комбинацию цифр. Свет гаснет, но тут же включается приглушенная подсветка.

– У нас с тобой есть несколько минут, – голос парня становится низким, волнующим. У меня от него мурашки по коже разбегаются.

– Максим! – вскрикиваю, когда он толкает меня к стенке и, подхватив под бедра, подсаживает на перила. Мне ничего

не остается делать, кроме как обхватить его за шею, чтобы не упасть. – Что ты творишь?

Но вся эта ситуация такая острая и дикая, что я захожусь практически мгновенно только от одной мысли, что сейчас двери лифта откроются и нас кто-то увидит.

– Ты такая горячая, – рычит мне в шею, прикусывая и тут же целуя укус.

С моих губ срывается стон. Да, Макс прав: я готова. Готова к тому, чтобы он взял меня, и парень не медлит. Врывается сразу. Жестко, грубо. Но так и должно быть. В этом моменте мы так чувствуем. Я такая же, как и он. Нетерпеливая. Жадная до его прикосновений, поцелуев. И Максим знает об этом. Знает о том, что дышу в эти мгновение только им. И парень без оглядки берет все, что я ему отдаю, до последней капли, до последнего вдоха.

– Я люблю тебя, – рычит мне в губы Максим, вбиваясь в меня до предела.

У меня из глаз сыплются искры, сердце рвется выскочить из груди, чтобы метнуться ввысь. Еще толчок, и я мгновенно стораю, как вспыхнувшее перо, в лавине эйфории, захлестнувшей меня с головой.

– И я люблю... – подставляю сухие губы для поцелуя, но кабинка вдруг дергается, и Макс резко отпускает меня.

– Мля, – чертыхается, а я хватаюсь за перила, еле удерживаясь на ногах. – Сладкая. Давай встряхнись, – улыбается парень, уже полностью взяв свои эмоции под контроль, и по-

могает мне поправить короткое платье, приводя его в должный вид.

– Извини. Я не была готова к такому раскладу, – мурлычу в ответ, томно улыбаясь.

И ненавижу себя за это. Я становлюсь слишком зависимой от него. Слишком беззащитной перед его обаянием.

Двери лифта открываются, и нас с подозрением разглядывают четыре пары глаз.

– С вами все в порядке? Что случилось? – задает вопрос работник аэропорта, а второй, что стоит рядом с ним, проходит внутрь, разглядывает панель.

– Сами не понимаем, – напускает искреннее удивление Максим, дергает меня за руку. – Лифт вдруг остановился, двери закрылись. Мы так испугались!

Парень хватается за сердце. А я еле сдерживаюсь, чтобы не рассмеяться, кусаю губы.

– О, бедные дети! Пройдемте. Возможно, вам будет нужна помощь психолога? И покажете как раз документы. Когда ваш рейс? – в голосе мужчины чувствуется ирония, да и по его глазам видно, что он все понял, уж слишком пристально рассматривает нас.

– Наш рейс задерживается, – отвечает Максим. – Но от вкусного какао мы не откажемся. Да, сестренка? – улыбается, а у меня, впрочем, как и у работников аэропорта, глаза от удивления округляются.

– Что?!

– Что?! – спрашивает одновременно мужчина.

– Какао у вас есть? В автомате? – начинает объяснять

Максим.

– Да... – кивает он, но по его глазам видно, что человек до сих пор находится в недоумении. – Вы брат с сестрой? – все-таки не удерживается от вопроса.

– Ес-с, – щелкает пальцами Максим. – Сестренка, ты чего молчишь? Ну, скажи ему.

– Да, – киваю.

А самой мне неприятно очень. Зачем Максим врет? И даже если он так решил подшутить, то это выглядит совершенно неуместно. Ведь всем понятно, чем мы занимались в лифте. И что теперь подумает о нас администратор?

– Хорошо-хорошо, – немного отойдя от смущения, проговаривает мужчина. – Давайте ваши документы. Я посмотрю. И можете идти.

Пролистав наши паспорта и глянув билеты, мужчина в неловком молчании возвращает нам их обратно.

– Мы сводные, – улыбается Максим.

И, резко развернувшись, направляется в сторону столиков, утягивая меня за собой.

– Зачем ты так сказал? Ты видел его лицо? Что он теперь будет думать о нас? – раздраженно дергаю рукой, и Макс не ее удерживает, сразу же отпускает.

– А тебе не всё равно? Ты зависима от чужого мнения? – парень неожиданно останавливается, и я со всего размаху на-

летаю на него.

– Черт! – тру ушибленный нос. – Да что с тобой? – возмущаюсь.

– Скажи мне спасибо, что так легко отделались, сладкая, – улыбается Максим, дразня меня своими ямочками на щеках. И я тут же вся таю. Мои губы против воли растягиваются в ответной улыбке, а злость и недовольство сходят на нет.

– Ты видел его лицо? Он же сейчас побежит своим коллегам о нас рассказывать, – все еще пытаюсь быть недовольной, но у меня это плохо получается.

– Плевать, – Макс не выдерживает и хватает меня за руку. – А будешь и дальше мне об этом говорить, мы повторим это снова...

...И мы повторяем, только уже в самолете. Это чересчур откровенно, горячо, ярко. Возможно, все дело в том, что мы оба неосознанно чувствуем приближение конца. И все эмоции накалены до предела.

Не говорим об этом вслух, но оба понимаем, что у наших отношений нет продолжения.

Глава 17

Когда мы приземляемся, в аэропорту уже ждет машина. Об этом сообщает Степан Геннадьевич Максиму, позвонив ему.

– Сегодня у бабушки юбилей. Я надеюсь, ты помнишь?! – слышу грозный голос босса.

– Забыл. Но ведь ты есть у меня, чтобы напоминать об этом, – тут же ерничает парень.

И я тычу его в бок. Макс морщится.

– Не остри, – рычит Степан Геннадьевич.

– Скоро буду, – бурчит в ответ парень и уже хочет отключиться, когда...

– Я хочу, чтобы Майя приехала с тобой, – голосом, не терпящим возражения, произносит мужчина.

Я от удивления открываю рот, а у Максима зло сверкают глаза.

– Она устала и хочет домой, – отвечает за меня он.

– Я не прошу, а приказываю, и не тебе решать! – рокошет босс, и у меня от его тона сердце проваливается в пятки. Складывается ощущение, что происходит что-то неладное.

– Нет! – резко обрывает его парень и кладет трубку.

– Максим, что ты делаешь?! – восклицаю и пытаюсь выхватить телефон, правда, параллельно приходит осознание того, что этот мобильник не мой. Но Макс уже перехватыва-

ет мое запястье и с силой сбрасывает. Я так не вовремя делаю шаг в сторону, и нога соскальзывает с бордюра, попадает ровно между решетками ливневки, и я падаю. Все происходит так быстро, что Макс не успевает меня подхватить, и я ударяюсь головой об асфальт.

Затылок простреливает острая боль. Я морщусь.

– Майя! – Макс нависает надо мной, но я как будто теряю сознание ненадолго. Всего секунд на пять, но этого времени хватает для того, чтобы парень поднял меня на руки и усадил в машину.

– Давай в больницу, – командует водителю.

– Не нужно, – качаю головой и тут же хватаюсь за нее. – Сейчас отпустит.

Но не отпускает. В полуобморочном состоянии Макс доставляет меня в травмпункт. Мне делают рентген щиколотки; оказывается, что у меня небольшой вывих. Накладывают тугую повязку и отпускают домой.

– Ну, как ты? – я выхожу из кабинета, и Макс встает мне навстречу.

– Нормально, – отвечаю и тут же ойкаю, когда парень подхватывает меня на руки. – Максим, прекрати. Поставь меня. Я могу сама идти.

Верчу головой и вижу, как на нас все пялятся.

– Люди смотрят, – говорю совсем тихо.

– Ты опять за свое?! – злится парень и только крепче прижимает меня к себе.

Я закусываю губу, чтобы остановиться и прекратить уже это все, но на удивление он продолжает. От его взгляда и тона голоса внизу живота что-то переворачивается.

– Ты можешь отказаться и больше не работать на него, – холодно говорит парень.

И я чувствую, как каменеют его мышцы в ожидании ответа.

– Я не могу, – полусшепотом отвечаю.

– Ты можешь, – он вдруг замедляет шаг, когда до машины остается несколько метров. – Можешь найти другую работу.

– Наверное. Но сейчас это сложно сделать, Максим, – с отчаянием произношу.

– Разве ты не видишь, как отец смотрит на тебя? – с каждым словом в голосе парня все больше слышна сдерживаемая ярость.

– Максим... – начинаю.

– Он не отпустит тебя и не позволит нам встречаться, пока ты будешь работать в его фирме, – констатирует парень, и меня в животе мурашки собираются в тугую спираль. Я знаю, что парень прав, но на кону не только мое благополучие, но и жизнь отца с Дашкой.

Я делаю глубокий вдох. В голове кручу несколько вариаций исхода нашего разговора, но, посмотрев в глаза парня, чувствую, что ум пустеет.

– Дай мне немного времени, – прошу шепотом.

Максим поджимает губы и оставляет мою просьбу без от-

вета. Водитель открывает дверь, и парень помогает мне забраться в салон.

– Макс, куда мы едем? – требовательным голосом спрашиваю.

Я начинаю взволнованно оглядываться по сторонам. Мы выехали за пределы Москвы и направляемся теперь в неизвестном мне направлении.

– Я же попросила отвезти меня домой, – поворачиваюсь к парню всем корпусом.

Но Максим, уткнувшись в синий экран айфона, не обращает на меня никакого внимания. И у меня возникает неприятное чувство дежавю. Он ведет себя так, как тогда в лифте, когда мы с ним поцеловались в первый раз.

– Максим, – сжимаю его запястье. Когда парень поднимает на меня взгляд, меня будто по лицу пощечиной бьет холодность в его глазах, а за ней – ненависть. Я сразу все понимаю. Он ничего не скажет, но и не отвернется от меня. Он просто будет презирать меня, не видя во мне ничего хорошего, считая, что я его больше не достойна.

– Максим, пожалуйста, отвези меня домой, – мне вдруг становится страшно.

Достаю телефон, чтобы посмотреть в навигатор, но парень неожиданно выдергивает у меня трубку и кладет себе в карман.

– Чуть позже, – чеканит и снова погружается в паутину

соцсетей.

А я растерянно хлопаю глазами.

– Мужчина, извините! – стучу в перегородку, которая разделяет нас с водителем, но мне никто не отвечает. – Максим, прекрати, что происходит?!

В панике кидаюсь на парня, но он, конечно же, не позволяет даже дотронуться до себя, перехватывает мои руки и больно дергает их вверх. Я становлюсь перед ним совершенно беззащитной. Он кладет мне ногу на колени и жестко фиксирует меня, прижимая к сиденью.

– Майя, не истери. Ничего я тебе не сделаю. Все, что хотел, уже получил. И если захочу, снова дамь мне то, что потребую. Ты можешь сейчас, ничего не делая, просто посидеть спокойно? Или даже вздремнуть. Хотя... – выглядывает в окно и, увидев там что-то, улыбается. – Уже ни к чему. Приехали.

Автомобиль останавливается, и Максим, отпустив меня, открывает дверь. Выходит. Я не успеваю даже сообразить, что происходит, как парень открывает дверь с моей стороны, берет под локоть, небрежно выдергивает из машины.

– Где мы? – оглядываю с трепетом в груди широкий двор с газонами и огромным особняком посередине, который подсвечивается невероятным количеством лампочек.

Но осознание приходит сразу же, как только замечаю припаркованные по аллее, уходящей в темный парк, машины.

– Зачем ты привез меня, Максим? – обиженно требую от-

вета.

– Так надо, – скупно отвечает, и я опять оказываюсь у него на руках.

Но в этот раз я не готова мириться с его натиском. Упираюсь парню в плечи ладонями. Ерзаю в его руках.

– Отпусти! Не нужно! – говорю громко, чтобы привлечь внимание парня.

– Послушай, Майя, – рычит Макс, – еще раз култыхнешься – будешь болтаться у меня на плече задницей вверх. Не уверен, что моей бабуле это понравится, но вот мужской пол точно оценит открывшийся вид.

– Ты сейчас это серьезно?

– А ты еще сомневаешься во мне? – нахально отвечает.

Я ничего не успеваю сказать, так как Макс уже стоит перед дверьми и, прежде чем открыть их, закрывает глаза, делает глубокий вдох.

– Молись, сладкая, – склоняется ко мне и целует в засос.

Глава 18

Я слышу, как дверь открывается, и только тогда Макс выпускает меня из своего плена.

– Ого, вот это сюрприз, племянничек! Отец сказал, что ты приедешь один. А кто эта прекрасная дева? И где ты ее нашел? – меня с любопытством рассматривает парень примерно моего возраста.

– Не лезь, понял? – грубо отвечает Максим и, переступив порог, несет меня вглубь дома. У меня все полыхает внутри смущением.

– Максим, не надо. Я прошу тебя! – умоляю его, но хватка парня становится только крепче.

– Лучше будет, если ты замолчишь, – советует он.

– Что это с ним? Какая муха его укусила? – обиженно говорит открывший нам двери парень, который идет след в след за нами.

А я уже слышу приближающийся гул толпы. Там звучит музыка, смех. Я уже внутренне представляю, что сейчас будет. У меня все холодеет внутри, когда Максим останавливается перед закрытой дверью, за которой собрались все его родственники.

– Не надо, – крепко сжимаю его шею, но его не остановит моя просьба, знаю.

Парень нажимает ручку и толкает дверь. А я вся сжима-

уюсь в комок в его руках. Чувствую кожей надвигающуюся бурю.

– Максимка?! – в женском голосе звучит удивление. – Эффектное появление! Давай проходи.

Я вся покрываюсь испариной. Мне так стыдно, что хочется провалиться сквозь землю. И в тоже время я понимаю, что нужно бы взять себя в руки и не упасть до конца в грязь лицом.

– Поставь меня! – шиплю ему в ухо. – Немедленно!

И тут – слава небесам! – парень меня слушает, но даже после того, как отпускает меня, его рука по-хозяйски продолжает лежать на талии.

– Привет, бабуль, – Максим подходит к женщине и тащит меня за собой.

Я чувствую на себе цепкие взгляды родственников парня, но глаз не поднимаю. Потому что знаю: поддержки я в них точно не найду.

– Ну, привет-привет, внук.

Я наконец-то осмеливаюсь посмотреть на женщину, и тут же мой взгляд встречается с парой холодных бездушных серых глаз, точь-в-точь как у босса. Ком из воздуха застревает посередине грудной клетки.

– И что это за концерт? – слышу приглушенное возмущение, когда она обнимает внука. – Кого в этот раз ты притащил? – не стесняясь, выражается женщина, прекрасно зная, что я ее слышу.

– Макс, Майя, что происходит? – за спиной раздается голос босса, и мне кажется, сейчас в моем мозге случился микроинсульт. В глазах темнеет. Тело прошибает озноб. Ещё чуть-чуть, и сердце выскочит из груди.

– Степан Геннадьевич... – я резко дергаюсь в руках Максима, но парень вцепился в меня мертвой хваткой, не давая даже на сантиметр сдвинуться.

В помещении вдруг стихает музыка, и повисает тишина. Все замирают.

– Ну, Максим, давай, – вздергивает брови виновница торжества, – удиви меня.

Женщина садится на стул, складывает пальцы домиком и кладет на них подбородок, точь-в-точь как босс.

– Майя?! – Степан Геннадьевич останавливается от меня на расстоянии вытянутой руки. Его взгляд прожигает до костей. И я готова уже покаяться. Признать все свои грехи. Но...

– Отец, бабуль, я женюсь. И это моя невеста. Майя. Прошу любить и жаловать, – вдруг рука Макса соскальзывает с моей талии, лишая поддержки, и парень резко падает передо мной на колени, протягивает непонятно откуда взявшуюся на его ладони коробочку.

– Мама, – шепчу одними губами, в голове все шумит, а сердце заходится в бешеном пульсе.

– Что?! – женщина резко вскакивает со стула, и тот, опрокидываясь, с грохотом падает на пол. – Что это за шутки?!

– Идиот! – рычит босс, мгновенно сокращая между нами расстояние и выбивая эту самую коробочку из рук сына.

Макс вскакивает на ноги. С яростью смотрит на отца.

– А ты, дрянь, – босс обращает полный гнева взгляд на меня, – пошла вон отсюда! Мигом! – рывкает так, что содрогаются стены дома.

Я, вскрикнув, вздрагиваю всем телом. Ладонями рот закрываю. Из глаз от обиды и страха брызнули слезы.

– Не ори на нее! – вступается за меня Максим, загораживая от отца. – Не имеешь права. Или злишься, что тебе не досталась? – с вызовом спрашивает.

– Что вы тут устроили? – к нашим разборкам присоединяется еще кто-то из родственников. – Что за цирк? Другого момента нельзя было выбрать, чтобы выяснить отношения?!

– Ой! – вскрикивает какая-то женщина, я оборачиваюсь к ней и вижу, как та сломя голову несется к бабушке Максима. – Срочно! Вызывайте неотложку! Маргарите Петровне, кажется, плохо с сердцем!

Родственники всей толпой кидаются к женщине, а я, прихрамывая и всхлипывая от боли в ноге, пячусь к двери.

Шажок. Еще один. И еще. И мне удастся почти незаметно покинуть помещение.

Лишь в последний момент Максим оборачивается туда, где я только что стояла, и, понимая, что меня нет, начинает оглядываться по сторонам.

Но я уже закрываю за собой дверь и, искусывая губы в

кровь, терпя боль в щиколотке, спешу покинуть дом.

– Майя! Стой! – догоняет меня голос парня уже на аллее, выходящей к воротам. Я не останавливаюсь, продолжаю идти, вытирая злые слезы.

– Майя! – голос уже совсем близко, но я, к сожалению, не могу бежать. Поэтому и скрыться от него не получится.

Я чувствую дыхание Максима за своей спиной уже через несколько секунд. Парень хватает меня за руку.

– Постой ты, дай объяснить! – задыхается, а я со всего размаха залепляю ему пощечину. Звонкую. Хлесткую.

Парень, не ожидая такого поворота, замирает, сжимая мою руку в своих пальцах.

– Ненавижу! – сквозь слезы, кидаю ему в лицо. – Ненавижу! – рычу и замахиваюсь для второго удара, но Макс перехватывает руку.

– Я все объясню! – нависает надо мной.

– Пошел нахрен со своими объяснениями! Они мне не нужны! Отпусти! И больше не прикасайся ко мне! – сквозь слезы в голосе кричу ему в лицо, вырываю руки.

– Глупая, – Максим заводит мои руки мне за спину и прижимает к себе, я барахтаюсь в его объятиях, мне становится так противно от самой себя, что сил нет. Как же я могла довериться такому, как он?! Как?!

– Я хочу, чтобы ты забыл о нас, – тихо произношу, глядя на него исподлобья. – Ты правильно сказал. У нас с тобой будущего не будет. И это не из-за Степана Геннадьевича, а

из-за тебя.

Тело Макса каменеет после моих слов. Он ослабляет хватку, а через секунду и вовсе отпускает меня.

– Ты даже не хочешь выслушать меня? – спрашивает, отступая на шаг.

– Нет, – качаю головой.

– Мы поговорим об этом позже, хорошо? – он пристально смотрит на меня, но я игнорирую его взгляд.

– Нет, – повторяю и, круто развернувшись, продолжаю путь.

Слезы льются из глаз рекой, когда, дойдя до ворот, понимаю, что Макс не пошел за мной. Обида. Боль. Разочарование. Все это разом обрушивается на меня. Я в отчаянии поворачиваю голову в надежде увидеть его, но... за моей спиной никого нет. Там пусто.

Сердце разрывается на части.

Если бы я знала, что так все закончится... Никогда! Никогда бы не села в тот проклятый лифт. Никогда бы не полетела вместе с Максимом. И никогда бы не полюбила его так сильно, как люблю сейчас. Сердце от его поступка рвется в клочья. Я не могу поверить, что он так надругался над моими чувствами к нему!

В голове вдруг яркой вспышкой мелькает догадка: я была нужна Максиму, видимо, для того, чтобы насолить отцу. Не больше.

Глава 19

Проснувшись с утра, я понимаю, что сегодня просто не будет. И что ад существует не только под землей, но и на земле тоже. А сегодня мне предстоит в него попасть.

Подтянув пострадавшую ногу, немного разминаю ее, после чего делаю глубокий вдох и пытаюсь встать. И, как ни странно, нога у меня совсем не болит, а вот голова, наоборот, ощущается как будто чугунная.

После утреннего прохладного душа немного отпускает. Завернувшись в полотенце, выхожу из ванной и неожиданно сталкиваюсь в коридоре с Дашей. Сестра как будто преобразилась. Улыбается. Сияет. Такая вся теплая, как солнечный лучик.

Даша вдруг бросается мне на шею, крепко обнимает.

– Майя, как хорошо, что я тебя застала! – улыбается во все тридцать два.

У меня хоть и дурно на душе, но не улыбнуться сестренке в ответ не могу.

– Что случилось, пока меня не было? – спрашиваю, а Дашка меня в бок толкает и в кухню тащит.

– Я устраиваюсь на работу, представляешь?

У меня отчего-то начинает сосать под ложечкой. Как же все к месту. Меня уволят. А Даша пойдет работать.

– Я так рада, – стараюсь улыбаться как можно искрен-

нее, но, видимо, получается неубедительно, так как веселость сестры тут же сходит на нет, и она снова превращается в ту Дашку, которую я знаю.

– По тебе и не скажешь, – бурчит и, включив чайник, сыплет в кружку растворимый кофе и одну ложку сахара. – Будешь?

Я отрицательно качаю головой.

– Дашка, прости. Просто у меня так башка болит...

– Ну, это нормально. Ты вечно вся в себе. Плевать на других. Главное же, что у тебя. В этом вся Майя Ледовская, – фыркает сестра и, вытаскивая сигарету из пачки, поджигает кончик, затягивается.

– Даша, не говори глупостей! – с раздражением подсакиваю к ней, выхватываю сигарету, тушу в раковине. – И не кури дома. Дышать нечем.

Я круто разворачиваюсь и выхожу в коридор. Зачем она так про меня сказала? Все это глупости. Я никогда так не думала и никогда не делала.

Резко останавливаюсь и делаю шаг назад. Выглядываю из-за двери.

– Даш? А, Даш? – смягчая тон, зову сестру, та чуть скашивает взгляд в мою сторону.

– Ну, чего? – спрашивает.

– А куда ты устроилась на работу?

Мне и вправду становится интересно, хоть у самой на душе и кошки скребут, но хорошая новость от Даши немного

разгоняет тучи, нависшие надо мной.

– Да не помню уже. Фирма какая-то... – сестра хмурится.

– А кем ты собираешься там работать? – я возвращаюсь на кухню и с любопытством смотрю на Дашу.

– Ну кем я могу? – выгибает бровь. – Пока помощницей бухгалтера, а потом посмотрим.

– Отлично, Даш! Вот и диплом твой сгодился. Не зря с Аней курсы заканчивала, – улыбаюсь.

– О-о! Вспомнила. Инвест-Трэйдинг, – довольно озвучивает Даша.

– Вот как?! – бубню и сжимаю пальцы в кулак. – Повезло так повезло.

– Что опять не так?! – возмущается Даша.

– Все так, прости. Мне нужно собираться. Не хочу опаздывать.

Я пулей вылетаю из кухни и, забежав в комнату, закрываю за собой дверь.

Что за судьба-злодейка? Почему Даша устроилась именно в эту фирму и именно сейчас, когда меня вот-вот должны выпереть оттуда?

Бессильно опускаюсь на пол. Это все нечестно. Несправедливо.

– Нет, ну ты посмотри, какие сейчас девки наглые пошли! – слышу голос Нины.

Замираю в туалетной кабинке. Почти не дышу.

– Ты все об этой помощнице Степы? – второй голос мне тоже знаком, но вспомнить его обладательницу не удастся.

– Ну а о ком же еще? – зло отвечает Нина, и я вдруг понимаю, что «Степа» – это наш босс, а его помощница – это я. Они разговаривают обо мне?!

Нет! Я не хочу подслушивать сплетни о себе самой. Уже готова прервать их беседу, выйдя из кабинки, когда раздаётся:

– Он совсем про меня забыл! Не появляется. Хорошо хоть денег дает на развлечения. Если бы не это, я бы этой козе все лохмы выдернула.

– Зато помнишь, как радовалась, что от босса залетела?! – фыркает собеседница Нины, а у меня от услышанного волосы на голове шевелятся. Значит, Нина беременна от Степана Геннадьевича?! То-то мне показалось, что он себя с ней ведет уж чересчур сдержанно и учтиво.

– Я бы и сейчас радовалась, если бы не эта кобыла. И Степке моему голову вскружила, и под Макса успела подложить себя, – гадко выплевывает эти слова.

Все, хватит! Не выдерживая, толкаю от себя дверцу, и та с грохотом хлопается об стену.

– Ой, Майя! Привет! – губы секретарши кривятся в подобии улыбки. – А я и не слышала, что здесь кто-то есть.

Я только мажу по ней взглядом, даже не удосужившись поздороваться, как и с ее собеседницей, которой оказывается наша бухгалтерша. Вот, значит, в какое крысиное гнездо

придет работать Даша.

Я выхожу в коридор, но прежде чем закрывается за моей спиной дверь, слышу злое бормотание. Сучки, и откуда они вообще об этом узнали? Если только вчерашний инцидент не просочился с места событий... Везде уши и глаза.

Что ж, слухи – это ерунда. Вот теперь как бы встретиться с боссом и остаться при этом в живых? В этом главный вопрос.

В приемной тишина. Пересекаю небольшое помещение, подхожу к двери в кабинет босса. Останавливаюсь. Сжимаю пальцы в кулак, чтобы постучать в дверь, но в последнее мгновение рука замирает, так и не коснувшись деревянного полотна.

Нет. Я не смогу посмотреть Степану Геннадьевичу в глаза. Я его очень крупно подвела, а признать свою ошибку и покаяться у меня не хватает мужества. Теперь и он на меня злится, и я чувствую себя виноватой, потому что не оправдала его ожиданий.

Опускаю руку и круто разворачиваюсь на месте. Замираю: передо мной стоит босс.

– Доброе утро, Майя, – мужчина здоровается первым, и тон у него такой, что мне прямо сейчас хочется превратиться в лужицу и сразу же испариться.

«И зачем я приперлась?» – мысленно бью себя в лоб кулаком.

– Степан Геннадьевич, – начинаю, от волнения растеряв все чувство приличия.

– Заходи, – мужчина толкает дверь и ждет, пока я сделаю шаг в его кабинет.

– Степан Геннадьевич, – снова начинаю, и голос у меня такой виноватый, что самой себя жалко становится.

Мужчина закрывает за своей спиной дверь, и я слышу щелчок. Что? Оглядываюсь на босса.

– Как ты могла так со мной поступить? – вдруг голос мужчины меняется, становится ниже, глубже, а в глазах горит гнев. Он начинает наступать на меня.

От охватившего ужаса меня начинает трести. Коленки дрожат. Голос пропадает, во рту все пересыхает. Я только и могу, что часто хлопать расширенными в изумлении глазами и пятиться назад.

– Я же дал тебе время, чтобы ты подумала, а что ты? Зачем? – еще пара широких шагов, и Степан Геннадьевич уже сжимает до боли меня за талию. – Под сына моего легла?! Бесстыжая! Он же совсем пацан еще! Сопляк! Что он тебе может дать? – рычит мне в губы мужчина и, не обращая внимания на мое сопротивление, целует. Жадно. Настойчиво.

– Нет. Не надо! – кручу головой, мычу.

– У тебя нет больше выбора. И времени, – все в том же тоне отвечает Степан Геннадьевич и толкает меня на стол. Подхватывает под бедра, сажает на столешницу. Устраивается между ног.

– Степан Геннадьевич, что вы делаете? – вкладываю всю силу в руки, пытаюсь оттолкнуть босса от себя.

– То, что нужно было сделать сразу, – цедит сквозь зубы и, сжимая на моем затылке волосы в кулак, дергает голову назад. Из глаз сыплются звезды.

– Отпусти, больно... – с ужасом шепчу, впиваясь в запястье мужчины.

– Майя, будь хорошей девочкой. Не сопротивляйся, – его горячее дыхание обжигает мою шею, ключицы. – Я буду с тобой нежен.

Слова мужчины так же холодны, как и его глаза, однако сейчас я не чувствую холода. Только... страх, ледящий не только душу, но и тело.

Он слишком много забрал сил и энергии. Истошил меня. Но я знаю, что нужно бороться. Ведь мне вряд ли кто-то сможет помочь. Лучше испытать физическую боль, она пройдет, а вот душевная...

Перед глазами вспыхивает и тут же исчезает картинка из прошлого. Пустые глаза Даши. Они отражали ее душу. Ее боль. И я не хотела повторить ее опыт.

– Нет! – дергаюсь в руках мужчины и, собирая последние силы, пихаю коленом его в бедро.

Босс немного ослабевает хватку. Зло рычит, но мне хватает этой маленькой заминки, чтобы со всей злобой вцепиться зубами ему в запястье.

– Ах ты сучка! – взрывается Степан Геннадьевич и пальцами свободной руки сжимает мою челюсть до хруста. – Не доводи до греха, Майя! Не доводи, – рычит и дальше вдав-

ливают пальцы.

От боли из глаз брызжут слезы. И я разжимаю зубы. Тут же получаю пощечину.

Хватаюсь за пылающую щеку ладонями. Но желаемого эффекта я добиваюсь. Степан Геннадьевич отступает.

– Дура, что ты творишь? – цедит сквозь зубы.

Я украдкой бросаю на него взгляд: он внимательно разглядывает место укуса. Я тут же соскальзываю со стола. Поправляю одежду и пулей кидаюсь к двери.

– Беги, беги! Далеко не получится, – как удар под дых, слышу его слова в спину.

Я открываю замок и выскакиваю в приемную. Нина неуклюже отпрыгивает в сторону. Я захлопываю дверь за спиной. Приваливаюсь к ней. Шумно дышу.

– Ну ты и сучка! – сверкает глазами Нина и с неприязнью смотрит на меня. – Мало тебя Максима, еще и на Степана глаз положила?

– Сумасшедшая глупая баба! – рявкаю на нее и, оттолкнувшись, выхожу в коридор.

Делаю несколько глубоких вдохов-выдохов. Оцениваю целостность одежды и направляюсь к лифту. Нужно спуститься в отдел кадров, чтобы забрать документы и написать заявление. Больше я в этом месте не задержусь ни на секунду.

Глава 20

Когда двери лифта открываются на нужном мне этаже, то я в замешательстве даже не могу сделать шаг из кабинки.

– Даша?! – удивленно выдыхаю, пялясь на сестру.

– Смотри, глаза не вырони из орбит, – хмыкает сестра и заходит внутрь. – Тебе куда?

Ее палец замирает над панелью, а я, сглатывая комок в горле, отвечаю:

– Я здесь выйду, Даш.

Покидаю кабинку, а сестра, пожимая плечами, нажимает кнопку на панели, чтобы закрыть двери.

– Дома поговорим! – говорю ей вдогонку, но она вряд ли услышала.

В отделе кадров все тихо, спокойно; даже кажется, что сплетни сюда не дошли. Но так мне только кажется.

Как только оказываюсь в просторном помещении, где сидят кадровики, на меня сразу же все пять человек устремляют осуждающие взгляды.

– Здравствуйте, Алла Петровна, – я, не останавливаясь, подхожу к старшей.

– Садись, – кивает женщина на стул. – Вот наворотила ты делов, деточка. Совсем не ожидал от тебя никто такого.

Я в недоумении смотрю на нее. Что с ней не так? Это вообще не ее дело.

– Вы о чем? – непонимающе смотрю на Аллу Петровну.

– А то сама не знаешь? Вот. Степан Геннадьевич сказал, чтобы через пять минут ноги твоей не было в его офисе, – она кладет передо мной все документы и кивает на дверь. – Давай топай. Не буди лихо, пока оно тихо, – торопливо говорит женщина.

Я вскакиваю с места.

– Что вы себе позволяете, Алла Петровна?! Я...

– Я сказала, топай отсюда, пока охрану не вызвала! – перебивая, рывкает на меня женщина.

Я, ошарашенная таким обращением, хватаю документы и, горя негодованием, вылетаю в коридор. Ярость затуманивает ум и стирает рамки благоразумия. Я возвращаюсь к лифту, нервно жму на кнопку вызова. Сейчас вернусь к Степану Геннадьевичу и выскажу все, что о нем думаю.

Но боковое зрение цепляется за что-то знакомое. Я поворачиваю голову, и меня сковывает оцепенение. Что. Это. Такое?!

На меня с огромного билборда, который растянут на крыше соседнего дома, смотрит моя фотография.

– Не может этого быть!

Глаза мгновенно наполняются соленой влагой, и я быстро-быстро смаргиваю ее, надеясь на то, что это видение пройдет. Что меня заглоучило... Но нет. Сколько бы я ни моргала, фото не меняется.

Я все равно вижу себя: с распущенными волосами, с яр-

ким макияжем на лице. В руках странная табличка с какими-то цифрами, закрывающая мою грудь, живот и бедра, при этом красноречиво выставляя напоказ голые ноги и руки.

Меня бросает в жар. Но как, когда? У меня в жизни таких фотографий не было! Может, это фотошоп? Кто-то хочет меня опозорить? Но кто?

– Ух ты, вот это тело, – раздается за моей спиной надменный голос Максима.

Меня словно разрядом в двести двадцать простреливает.

Я резко поворачиваюсь.

– Ты?! – выдыхаю и впиваюсь взглядом в красивое лицо парня. – Ты! Это все ты?!

– Только вот не надо делать вид, что ты ничего не понимаешь. Двуличная сучка! Я так и думал, что ты все подстроила. А сама... – он морщится брезгливо. – Если бы вчера не увидел сам, никогда бы не поверил, что ты приторговываешь своим телом.

Я задыхаюсь от его слов.

– Что?! Ты бредишь, Макс! – цежу сквозь зубы.

– Ты заигралась, Майя, – склонившись к моему уху, шипит. – Мне противна каждая минута, проведенная с тобой. Забудь то, что было между нами. И больше никогда не вспоминай обо мне.

Пока я осознаю все сказанное, Максим отстраняется, фыркает, глядя на меня свысока, и, развернувшись, уходит, даже не выслушав меня.

Я, еле сдерживая рыдания, захожу в лифт и нажимаю кнопку нижнего этажа. Значит, я была права. Это все сделал Максим. Но за что? Зачем? И вообще, о каком «вчера» он говорил? Какое тело? И где я его продавала? Столько вопросов, но главное – задать их некому. Максим мне вряд ли на них ответит.

Выхожу из здания под насмешливые, а то и презрительные взгляды тех, кто там работает. Они так смотрят на меня, как будто знают больше, чем я. И это меня невероятно раздражает.

Теперь внизу стою напротив билборда и могу рассмотреть его внимательнее. Несомненно, на фото я. Мои волосы, мой цвет глаз. Да даже маленькая родинка видна над бровью.

Но вот парадокс. Я никогда такой макияж не делала. Да и обнаженной не фотографировалась. У меня даже в купальнике фото очень скромные. Я не люблю позерства. А на этом фото под небольшой табличкой на мне явно ничего не было надето.

Только сейчас обращаю внимание, что в углу на табличке написаны мое имя и лот. Черт! Что все это значит? Я не понимаю! Что за глупый развод?

Неожиданно чувствую на себе пристальный тяжелый взгляд. Он пронизывает меня до костей. Смотрю с недоумением по сторонам. Не понимаю, откуда он взялся. Но когда поднимаю голову, по спине бегут мурашки. Я вижу, как Степан Геннадьевич стоит у окна и не спускает с меня глаз.

Я чувствую себя песчинкой на дороге, но мне не спрятаться. В голове одна мысль: «Надо бежать отсюда». И тут я понимаю, что бежать некуда. Он меня везде найдет.

Глава 21

Две недели спустя

Уже третий день меня тошнит утром, днем и вечером.

– Эй, выходи уже оттуда! – сестра стучится в туалет, прерывая мой уже ставший стабильным ритуал. – Я говорю тебе, сходи к врачу. Это сто процентов кишечка.

Я тяжело поднимаюсь с колен и, щелкнув задвижкой, выхожу в коридор, шаркая подошвой тапочек об пол.

– Мне кажется, это все последствия моего падения, – мямлю еле слышно.

– Ну, один фиг... иди к врачу. Весь толчок пропах кислятиной. Терпеть нету сил! – Дашка хлопает дверью, а я плетусь, еле поднимая ноги, на кухню.

– Боже, мне кажется, я умру.

Трогаю лоб ладонью. Он совсем ледяной.

Кидаю в кружку пакетик мятного чая, заливаю кипятком. В голове нет места никаким мыслям, там сейчас пульсирует только одна: я неизлечимо больна.

– Эй, Май! – нападает на меня со спины сестра. – Не заморачивайся, я сама участкового вызову. Пусть посмотрит.

Даша суетливо заваривает себе кофе. Сует между губ сигарету, щелкает зажигалкой, и я на уровне подсознания уже ощущаю запах дыма, так что новый приступ тошноты скручивает живот. Вскидываю ладони ко рту. Зажимаю его и

мчусь в туалет.

Выхожу только спустя десять минут. В квартире тишина. Сестра уже убежала на работу.

Я захожу на кухню за своим чаем и вижу рядом с кружкой... ТЕСТ на беременность.

– Что это? – кручу в пальцах. – Она издевается? Это все из-за того, что я ударилась головой, – бормочу под нос, но нехорошие подозрения уже пробираются в голову, и, чтобы как-то их развеять, решаю сделать тест.

– Нет... нет... нет... – лихорадочно тру пальцем плюсики, появившийся на дисплее теста. – Это невозможно! Нет...

Из глаз брызжут слезы. Я не верю в то, что... **БЕРЕМЕННА!** Это сон! Неправда! Да все что угодно, но это не могло случиться со мной. Не сейчас. Не в двадцать два!

Еле сдерживаясь, чтобы не зареветь в голос, крадусь в свою спальню. Главное, чтобы папа не услышал. Какой же это будет для него удар!.. Сначала мое увольнение. Папа был так расстроен, что, глядя на него, я невольно сама впала в депрессию. И если бы не поддержка Даши, вряд ли выбралась бы. А уж про папу и говорить нечего. Он сам держался, успокаивал меня, но по глазам отца я все читала. Все видела. И я даже не представляю, что будет с ним, если он вдруг узнает про мою беременность.

Эмоции хлещут через край; я, не сдерживаясь, громко всхлипываю.

– Майя, это ты? – доносится голос папы из зала.

Черт! Черт! Вытираю рукавом слезы. Заглядываю в комнату к отцу, пряча в карман тест.

– Да, папуль. Ты что-то хотел? – хриплым от сдерживаемого рыдания голосом спрашиваю у него.

– Подойди, дочка, – просит папа, и я понимаю, что спалилась. Теперь нужно придумать какую-нибудь правдоподобную историю, почему реву.

– Угу, – киваю. Подхожу к родителю.

– Ты плачешь? – без всякого предисловия спрашивает папа, смотрит на меня так внимательно, с участием и заботой во взгляде, что я не выдерживаю натиска своих же эмоций, падаю перед ним на колени.

– Па-а-а-апа! Прости меня! Прости! – причитаю в голос, уткнувшись ему в колени.

– Господи! Доченька, что случилось?! Майечка! Милая! У меня сейчас разорвется сердце! Что такое? – папа обхватывает мое лицо ладонями, приподнимает, смотрит в глаза.

– Я беременна, – хлюпая носом, отвечаю и снова заливаюсь слезами.

– Не смей! – сестра преграждает мне путь. – Отец не простит меня, если узнает, что ты пошла против его воли.

– Даш, не глупи. Ты же знаешь, что этот ребенок мне испортит всю жизнь, – отвечаю твердо.

– Дура! И говоришь дурацкие вещи! А ну-ка, разувайся.

Заходи, – сестра толкает меня обратно в коридор.

– Я все равно от него избавлюсь, – пересохшими губами обещаю сестре. Скидываю ботинки и иду в спальню.

– Дочка! Майя! Зайди ко мне! – зовет папа.

Тяжело вздыхаю. Захожу к отцу. В сердце полное безразличие и штиль. Никаких эмоций.

– Что? – грубо спрашиваю.

Папа строго смотрит на меня, и мне вдруг становится стыдно. Тушуюсь перед ним.

– На сестру не сердись. Это я почувствовал, что ты задумала что-то неладное, и вызвал ее, – папа подтягивается на локтях, присаживается. – Я тебя прошу, дочка. Не делай глупостей. Не убивай дитя и не лишай старика радости увидеть внука или внучку.

– Папа! – закатываю глаза. Я уже все решила: не буду рожать. Но как это объяснить отцу?! – Ладно, пап. Давай поговорим об этом завтра. Я устала и хочу отдохнуть.

– Посиди еще немного со мной. Мне в последнее время так одиноко, – неожиданно говорит папа, и у меня от его слов сердце вдруг в комок сжимается. – Может, ты мне почитаешь? Как раньше.

Я немного заторможено оглядываюсь на стенку, в которой стоят книги. Потом перевожу взгляд на отца.

– Ладно, – соглашаюсь, отказать папе у меня не поворачивается язык. – Что почитать?

Даша заглядывает к нам в комнату спустя минут двадцать.

– Майя, – окликает меня, а я подношу палец к губам, шикаю на нее.

Папа только-только задремал. И я уже собиралась уходить, но сестра опередила меня.

– Что?! – спрашиваю нетерпеливо, выходя из комнаты, и как вкопанная застываю в дверях.

Втягиваю воздух носом. И в глазах начинают кружиться вертолетики. Запах, что наполняет нашу квартиру, мне хорошо знаком.

Я в недоумении смотрю на сестру.

– Что здесь делает Степан Геннадьевич? – цежу сквозь зубы и уже делаю шаг назад, чтобы спрятаться в комнате папы, когда Даша мертвой хваткой вцепляется мне в руку и дергает меня в коридор.

– Что ты делаешь?! – рычу на нее, пытаюсь вырваться.

Меня начинает бить крупная дрожь. Я не хочу встречаться с бывшим боссом. Ни сейчас. Ни потом. Никогда. Он и его сын разрушили меня. Разрушили и растоптали, превратив мою жизнь в серый пепел.

– Он пришел поговорить. По-хорошему, – шипит мне на ухо сестра, с силой толкает в сторону кухни.

– Предательница! – кидаю ей, а она, как палач, толкает меня в спину, ведя на эшафот.

Переступаю порог кухни и тут же делаю шаг назад, когда ощущаю на себе прожигающий взгляд Степана Геннадьевича.

ча Сафронова.

Ненавистное имя жжет язык, небо. Глаза наполняются яростью.

– Зачем пришли?! – с вызовом кидаю мужчине.

– Здравствуй, Майя, – металлическим голосом произносит бывший босс, окидывая меня ледяным взглядом и наглядно задерживаясь на моем животе.

Что? Откуда? Я в растерянности оглядываюсь через плечо на сестру, а руки автоматически тянутся к животу, как будто хотят защитить плод, которому и так недолго осталось.

– Значит, это правда? Ты беременна? – рокочет босс. – Дарья, оставь нас.

С его рта просьба звучит как приказ. И через секунду я уже чувствую пустоту за спиной.

Предательница! Как она могла?! Я же ее сестра! Я!

– Это не ваше дело, Степан Геннадьевич, – его имя срывается с моих губ как плевок.

– Ошибаешься, Майя. В тебе сейчас мой внук. МОЯ кровь, и я не позволю тебе убить его. Поняла?! – мужчина в один миг оказывается возле меня, нависает, лишая возможности ускользнуть.

– Этого не будет, – стараясь сохранить самообладание, отвечаю хрипло.

– Ты родишь ребенка, а потом отдашь его мне. Я заплачу, – рокочет босс, а у меня от его слов уши закладывает бешеной пульсацией, которая бьет в виски оглушающим набаш-

том.

- Вы сошли с ума, – шепчу вмиг высохшими губами.
- Если не сделаешь как говорю, пожалеешь.

Дорогие мои!

Этот этап жизни для Майи и Максима закончился, и их пути в этой истории больше не пересекутся. Но если вам интересно узнать о дальнейшей их судьбе то добро пожаловать в следующий этап жизни героев.

Название: “Моя дочь от тебя!”

Аннотация:

– У тебя есть ребенок? – Максим крутит в пальцах мое досье. Откуда оно у него?

Судорожно сжимаю пальцы в кулак, пересекаю кабинет. Порывисто склоняюсь через стол, хватаю папку.

А парень хватает меня за шею, притягивает к себе. И я вижу, как зрачки наливаются тьмой.

– Сколько ему лет? – смотрит так, аж волосы на затылке встают дыбом и судорога пронзает позвоночник.

– Чей это ребенок? – его голос срывается на хрип.

Автор обложки <https://vk.com/club193512790>